

**Международная академия методологии
государственного управления**
МОО

**Международное общественное движение
«Созидание общества социальной справедливости»**
МОО

**Всероссийское общественное движение
«Социальная справедливость – будущее России»**
ВОО

Спиридонова В., Соколова Р., Шевченко В.

Россия как государство- цивилизация

Философско-политический анализ

Вып. 6.

Том 252(294)

Москва – 2020

Научное издание
Международный межведомственный научный сборник
Том 252 (294)

Свидетельство о государственной регистрации печатного средства
массовой информации: серия КВ № 6

ББК 67.9 (4 УКР) 644
УДК 343.37 (264)

Рекомендовано к печати
Экспертным Советом
Международной академии методологии государственного управления
13 февраля 2020 г., протокол №3

Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ. Спиридонова В., Соколова Р., Шевченко В. / «Российская (русская) цивилизация: история, реалии, перспективы». Вып.6. Том 252 (294). М., 2020.

ISBN 978-5-91578-247

Для сотрудников государственных и негосударственных органов, общественных организаций и объединений, политиков, ученых, специалистов-практиков, студентов, аспирантов и преподавателей высших и других образовательных учреждений, а также широкого круга читателей, интересующихся вопросами утверждения правового государства, созидания человеческого общества-общества социальной справедливости в России и в Мире.

©Международная академия методологии государственного управления, ВОО, 2020.

© Всероссийское общественное движение

«Социальная справедливость – будущее России» ВОО, 2020..

Настоящий Том 252(294) – это очередной выпуск 294 - томного Издания, который продолжает ДИАЛОГ – ОБРАЩЕНИЕ к социуму Планеты, государствам и народам - нашим современникам и будущим поколениям - созидателям ИСТИННО ЧЕЛОВЕЧНОГО ОБЩЕСТВА – ОБЩЕСТВА СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ. Основной из принципов нашей активности: «Прогрессивные идеи должны работать – звучать, как колокола, тиражироваться – пока не станут результатом действий государственно-управленческих, политических, научных ...элит, миллионов народных масс».

А.Комарова

Комарова Алина Ивановна – ректор Международной академии методологии государственного управления (МОО), руководитель Международного общественного движения «Созидание общества социальной справедливости» (МОО), академик Международной академии интегративной антропологии, академик Ноосферной общественной академии наук, доктор философских наук, юрист, профессор

В числе 47 направлений нашей многолетней научно-практической деятельности особое место занимает проблема России как государства планетарного масштаба, как особая страна – страна особого исторического предназначения.

Россия – это пространство исторической неотъемлемой ответственности и как большого государства, и как когда-то, и более того – в будущем великой державы, как собирательницы земель и народов, как особого типа цивилизации, интегрирующей цивилизации, в отличие от колонизирующей страны цивилизаций, образцы чего показывает Запад.

В геополитических условиях глобальных угроз миру современная фактическая и футурологическая мировая роль России постоянно возрастает.

Это обуславливает то, что Том 247(289) начал рубрику:

«Русская (славянская) цивилизация: история, реалии, перспективы»,

а Том 251(293)

продолжил эту рубрику
с учетом эволюционно-исторической закономерности
цивилизационного развития:

**«Российская (русская) цивилизация:
история, реалии, перспективы»
Аналитико-прогностический аспект**

* * *

Опубликовано:

<http://viperson.ru/articles/tsivilizatsiya-rossiyskaya-rossiyskaya-russkaya-tsivilizatsiya-istoriya-realii-perspektivy-vyp-5-tom-251-293-m-2020> / Цивилизация российская / «Российская (русская) цивилизация: история, реалии, перспективы». Вып.5. Том 251(293). М., 2020.

<http://viperson.ru/articles/osobennosti-formirovaniya-rossiyskov-russkov-tsivilizatsii-rossiyskaya-russkaya-tsivilizatsiya-istoriya-realii-perspektivy-vyp-4-tom-250-292-m-2020> / Особенности формирования российской (русской) цивилизации / «Российская (русская) цивилизация: история, реалии, перспективы». Вып.4. Том 250(292). М., 2020.

<http://viperson.ru/articles/ponyatie-tsivilizatsiya-istoriya-i-metodologiya-mchedlova-m-m-russkaya-slavyanskaya-tsivilizatsiya-istoriya-realii-perspektivy-analitiko-prognosticheskiy-aspekt-vyp-3-tom-249-291-m-2020> / Понятие «цивилизация»: история и методология. Мchedlova М.М. / «Русская (славянская) цивилизация: история, реалии, перспективы». Аналитико-прогностический аспект. Вып. 3. Том 249 (291). М., 2020.

<http://viperson.ru/articles/typy-tsivilizatsiy-russkaya-slavyanskaya-tsivilizatsiya-istoriya-realii-perspektivy-analitiko-prognosticheskiy-aspekt-vyp-2-tom-248-290-m-2020> / Типы цивилизаций / «Русская (славянская) цивилизация: история, реалии, перспективы». Аналитико-прогностический аспект. Вып. 2. Том 248(290). М., 2020.

<http://viperson.ru/articles/tsivilizatsiya-russkaya-slavyanskaya-tsivilizatsiya-istoriya-realii-perspektivy-analitiko-prognosticheskiy-aspekt-vyp-1-m-2020> / Цивилизация / «Русская (славянская) цивилизация: история, реалии, перспективы». Аналитико-прогностический аспект. Вып. 1. Том 247(289). М., 2020.

* * *

Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ. Спиридонова В., Соколова Р., Шевченко В. / «Российская (русская) цивилизация: история, реалии, перспективы». Вып.6. Том 252 (294). М., 2020.

* * *

Валерия Спиридонова,
Римма Соколова,
Владимир Шевченко

РОССИЯ КАК ГОСУДАРСТВО-ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ФИЛОСОФСКО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

С о д е р ж а н и е

Предисловие

Глава I. Цивилизационный подход и новые вызовы XXI в.

1. Уходящая дилемма: «цивилизация» – «варварство»

**2. «Универсальная евро-американская цивилизация»
или мир «цивилизаций»?**

**3. Политическое оформление цивилизаций –
«государства-цивилизации»**

**4. «Государство-цивилизация» как вариант поиска
самоидентификации современного российского общества**

Глава II. Базовые характеристики российского «государства- цивилизации»

**1. Осознание цивилизационной сущности российского государства
в условиях глобализации – веление времени**

2. Российское государство-цивилизация

3. Пространственная парадигма России

**4. Пространство как детерминанта социально-экономического
строения России**

**5. Роль правителя как отражение пространственной
парадигмы России**

Глава III. Россия в поисках национального пути развития

1. Устарела ли антитеза капитализм-социализм?

**2. Некапиталистический путь развития Китая
как теоретическая проблема**

**3. Отношение к социализму с китайской спецификой
в современной российской литературе**

**4. Теория и исторический опыт некапиталистического пути
развития России**

**5. Национальный путь развития современной России как
«третий путь»: анализ возможностей**

Список литературы

ПРЕДИСЛОВИЕ

Коллективная монография посвящена анализу ситуации, сложившейся в философской и политической мысли в связи с широким обсуждением такого сложного понятийного образования, каким является «государство–цивилизация». Хотя оно и появлялось ранее в научной литературе и публицистике, но взрывной интерес к этому понятию, к его новому осмыслению продиктован в самые последние годы целым набором радикальных перемен, произошедших в современном мире.

Главная из этих перемен состоит в том, что меняется конфигурация существования всего человечества, появляются новые могущественные центры сил планетарных масштабов. Эпоха образования все новых и новых национальных государств закончилась или заканчивается. Теперь только крупные мировые игроки в состоянии вести конкурентную борьбу за доступ к природным ресурсам и наиболее выгодным рынкам сбыта, делать большие инвестиции в создание нового технологического уклада, современной инновационной экономики, вести разумную экологическую политику.

Актуальность проделанной в монографии работы состоит, прежде всего, в том, что такие крупнейшие незападные страны как Бразилия, Индия, Иран, Китай, Россия, являются по своей сущности «государствами-цивилизациями». Это как раз и позволяет на теоретическом, понятийном уровне выявить то общее, что они имеют между собой не только в их прошлой истории, но и при решении сегодняшних конкретных проблем.

В первом разделе монографии «Цивилизационный подход и новые вызовы XXI в.» подчеркивается, что в реальности «цивилизация» относится к таким «первичным структурам», «фундаментальным основам», которые, с одной стороны, являются исторически непреходящими, а, с другой стороны, постоянно меняют свое значение, не переставая эволюционировать на наших глазах.

Падение советского социализма создало предпосылки для масштабного господства одной единственной идеологии, которая не преминула воспользоваться уникальной ситуацией для утверждения американской гегемонии под видом глобализации и под идейным прикрытием «продвижения демократии и так называемых общечеловеческих (евро-американских) ценностей». Новый мировой порядок, по логике «исключительности» и по праву победителя, утверждал новое противопоставление «цивилизации» «варварству». Но параллельно с ростом экспансии Запада начался интенсивный процесс самоопределения других цивилизаций. В разделе показываются наиболее важные моменты становления концепта – «государство-цивилизация», которые свидетельствуют о начале процесса институционального, политического переоформления понятия «цивилизация».

Несмотря на свое недавнее происхождение, термин «государство-цивилизация» уже существует в российской и западной политологии, он даже вошел в некоторые российские и западные интернет-словари. Словосочетание «государство-цивилизация» как новую политико-философскую категорию особенно активно начали обсуждать на Западе после появления книги британского историка и журналиста Мартина Жака «Когда Китай правит миром: конец Западного Мира и рождение Нового мирового порядка», изданной почти одновременно в двух странах – США и Великобритании.

В частности, в разделе отмечается, что западная ментальность – это исключительно ментальность национального государства, и сквозь эту призму нельзя понять особенностей и новизны таких стран как Китай. Понятие «государство-цивилизация» позволяет «декодировать», расшифровать китайскую цивилизацию в перспективе цивилизационной переоценки *самой китайской истории*, а также полнее определить ее отличие от *западной* цивилизации. Сущность «государства-цивилизации» связывается с той особой ролью, какую играет в нем государство. В Китае, как и в других названных странах, оно всегда выступало гарантом существования и стабильности китайской цивилизации.

Более того, пример современного Китая наглядно показывает, что государство, сделавшее выбор своей национальной, т. е. цивилизационной модели развития, тем самым наделяет себя так или иначе новыми свойствами – новыми созидательными функциями, ценностными ориентирами и духовными смыслами. Оно находит их в цивилизационном формате жизни общества как те продукты длительного культурного творчества людей, которые необходимы теперь ему для успешной реализации поставленных целей. По этой причине и происходит взаимопроникновение государства и цивилизации, что и находит сегодня свое отражение в появлении соответствующего составного понятия и его широком распространении.

Во 2-й главе монографии «Базовые характеристики Российского государства-цивилизации» подчеркивается важность дальнейшего уточнения цивилизационной специфики российского общества, что позволяет, в свою очередь, увидеть новые смыслы в понятии «государство-цивилизация». После того, как сегодняшняя Россия вступила в переходное состояние – от подконтрольного Западу государства к обретению политической независимости – стало особенно важным обоснование действительного содержания и статуса России как государства-цивилизации. Для этого необходимо восстановить ее *идентичность* в истории, т. е. показать, что в любую эпоху на огромном евразийском пространстве в ее государственном строительстве действовали мощные формообразующие силы, исходящие из глубинной российской метафизики, ее цивилизационной сущности. Иными словами, созидалась именно та форма государства, которая пробивала себе дорогу в России через века и сложилась именно как государство-цивилизация. История существования России во всех ее формах свидетельствует о том, что она, по сути, всегда была государством-цивилизацией, хотя и не определялась подобным образом в силу доминирования других теоретических подходов. Понятие государства-цивилизации является своевременной и адекватной заменой понятия империи, которая сегодня ассоциируется, в частности, с экспансионистской политикой Америки.

На всем протяжении истории, несмотря на смену политических режимов, в России всегда сохранялся тип общества, который называется этакратией, когда именно государственная власть имеет доминирующее значение во всех сферах общества, определяет их важнейшие функции. Такое соотношение государства и общества сложилось исторически и относится к базовым характеристикам исторической России. Оно может по-разному оцениваться в науке, но не может быть произвольно отменено или пересмотрено,

Далее в разделе рассматриваются методологические подходы к анализу базовых характеристик. Освоение огромной территории воспринималось русскими на протяжении веков как некое задание, как воля исторического рока. Эта территория превращалась в экзотриархизованное пространство, создаваемое в процессе субъективного переживания и осмысления человеком окружающего его природно-космического пространства.

На основе пространственной парадигмы, охватывающей собой все разнообразие природных, социальных и коммуникационных взаимодействий между людьми и способствующих кристаллизации коллективной воли, в России сформировался и соответствующий менталитет, который иногда условно обозначают в виде формулы «мы-я», где «мы» преобладает над «я». Менталитету «мы-я» соответствует и патерналистский характер управления экономикой и обществом.

Интерес, несомненно, вызовет своеобразие авторской трактовки взаимодействия двух альтернативных способов хозяйствования – капиталистического и социалистического (советского образца). В разделе отмечается, что капиталистический строй полностью подавляет слой общества с «мы-менталитетом», а социалистический – с «я-менталитетом». Для России «менталитетным» строем может стать социал-капитализм, который характеризуется сочетанием государственной собственности в капиталоемких областях экономики, имеющих стратегическое значение, с элементами рыночной экономики – в высокодинамичных и малозатратных областях экономики, которые удовлетворяют устремлениям эгоистической я-менталитетной части общества.

Объективно-онтологическая сущность Российского государства с доминированием необъятного и многомерного пространства над временем делает правителя главной фигурой российской истории, вменяет ему в обязанность удерживать это пространство, стягивать его в единое государство со всеми его цивилизационными особенностями. В проблеме правителя в России соединились воедино в сложный комплекс патернализм, который в истории России наполнен особым смыслом, и философский вопрос о сущности и смысле жизни человека. Несмотря на драматическое столкновение этих двух ценностных систем вполне возможно нахождение между ними согласия, и оно нередко имело место в российской истории, когда обе стороны исходили в своих действиях, так или иначе, из цивилизационной парадигмы. В целом, для России статус цивилизации-государства (в любых его видах) – не только единственный способ сегодня быть продолжателем лучших традиций русско-российского государства, обнаруживающих смысл его существования, но и реакция на серьезные цивилизационные вызовы века.

В третьем разделе монографии «Россия в поисках национального пути развития» показывается, что проблема выбора Россией своего собственного, национального пути развития остается по-прежнему одной из самых актуальных в отечественной общественной мысли – как в философии, так и в политологии, экономической теории, исторической науке. Обретение подлинного национального пути, по которому начинает следовать страна (государство-цивилизация), в наибольшей степени раскрывает ее цивилизационное своеобразие – жизнеутверждающий способ отношения к миру, поднимает страну к вершинам общественного богатства и личного благосостояния.

В ходе поиска решения автор исходит из следующего предположения. Поскольку Россия, Китай, другие большие государства-цивилизации не попали в «общество модерна», т. е. не перешли в своем развитии на этап развитого, западного капитализма ни сто лет назад, ни тем более в современный период, то их путь в стратегическом отношении лежит мимо капитализма как общественного строя, как формации. Вполне возможно, что Россия, дважды столкнувшись с западным капитализмом, рано или поздно начнет развиваться по собственному, национальному пути.

В монографии подвергается теоретическому анализу некапиталистический путь развития Китая. Некапиталистический социализм Китая явился соединением цивилизационных особенностей страны и учения К. Маркса. Это соединение приобрело в настоящее время исторически закономерный характер. Переход к некапиталистическому социализму явился вместе с тем и обретением утраченного ранее страной национального пути развития. В монографии делается вывод о том, что социализм с китайской спецификой действительно имеет место, но по многим параметрам он не совпадает с моделью социализма, начертанной классиками марксизма. Автор раздела останавливается также на вопросе об отношении к социализму с китайской спецификой современных отечественных ученых.

Далее кратко рассматриваются теоретические разработки некапиталистического развития в дореволюционной России и в советское время. Дается анализ основных идей главного теоретика легального народничества В.П. Воронцова, который, выдвинул и обосновал стратегию некапиталистического пути экономического развития России. В.П. Воронцов много размышлял над судьбой капитализма в царской России. Капиталистическая жизнь, по его глубокому убеждению, не является естественным, а главное, «законным продуктом предшествующей истории. Капитализм врезался в нее со стороны», пишет он в начале XX века. В.П. Воронцов подчеркивал, что благополучная судьба нескольких развитых стран не составляет всего содержания всемирной истории, а хозяйственное развитие по типу, указанному Западной Европой, не может быть процессом общим и однообразным, приводящим к одинаковым результатам всякую страну, выходящую из инертного состояния. Одними из первых в мировой экономической мысли народники предприняли попытку выработать экономическую модель, отличную от западной модели. Идея некапиталистического пути развития базируется на признании углубления неравномерности развития мирового капитализма, которая делает догоняющую модель

развития для отставших стран нереализуемой. После окончания гражданской войны, когда встал вопрос о дальнейшем развитии Советской России, Ленин выдвинул идею нэпа, которая в ряде существенных моментов опиралась на идеи народников. Некапиталистический путь развития оказался единственно возможным решением вопроса о создании эффективной экономики при условии сохранения социалистической перспективы развития страны.

В заключительной части раздела дается анализ возможностей перехода России в современных условиях на национальный (цивилизационный) путь развития. Современный Китай показал реальную возможность восстановления утраченной связи с естественным ходом своего исторического развития, нарушенного в 40-е годы XIX века агрессией со стороны Англии и других колониальных держав. И не только показал эту возможность как теоретическую, но и практически отстаив свое право на поступательное движение по этому пути.

По сравнению с Китаем, говорится в разделе, сегодняшняя Россия находится в совершенно другой ситуации. Китайский путь в принципе был возможен для перестроенной России. Об этом шли бурные дебаты в стране в конце 80-х годов. Но утрата социализма в начале 90-х годов перевела эту проблему в сферу собственно теоретической рефлексии. В настоящее время можно говорить главным образом лишь о том, насколько еще сохранились возможности некапиталистического пути развития.

Если посткапиталистический социализм, теоретически возможный на Западе, не может быть реализован в незападных странах, тогда «остаётся» «третий путь», уходящий своими идейными корнями в концепцию некапиталистического пути, впервые обоснованную русскими народниками, которые призывали опираться на русский исторический опыт. Для успешного раскрытия современной сути некапиталистического пути развития важно правильно решить вопрос о том, что есть российское государство-цивилизация, как цивилизационная идентичность соединяется с государством в единое целое. Ответы на эти вопросы даются на страницах монографии.

Коренной вопрос, который предстоит решить российской истории, заключается в том, состоится или не состоится переход страны на собственный, национальный путь развития. Трудности

здесь многократно усугубляются тем, что собственный путь России – это не просто альтернатива Западу, но и вызов Западу. Не в смысле того, что Россия своим выбором отменяет западный путь развития, а в том смысле, что она тем самым вынуждает его считаться с другой, альтернативной линией развития, которую будут выбирать в перспективе, как мы надеемся, все большее число государств-цивилизаций. Показать, как возможно взаимное дополнение этих двух путей в европейском и мировом масштабах, как избежать бесплодной, разрушительной конфронтации между ними, – вот самый мощный вызов, который бросает XXI век – философии, политике, всему человечеству.

В.Н. Шевченко

ГЛАВА I. ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ XXI В.

Сегодня, когда рушатся старые «царства» и появляются новые, когда условностью и эвфемизмом становятся не только такие испытанные веками понятия, как империя, но и недавно такие, казалось бы, прочные наименования как «национальные государства», в такое переломное во всех отношениях время в самом центре исследовательского горизонта возникает феномен «цивилизации». Явление это неслучайное.

Категория «цивилизация» – одна из категорий длительного существования в истории философии. Она имеет исторически меняющийся «веер смыслов», что делает ее одновременно многогранной и фундаментальной структурой анализа. Однозначно четкого и простого определения слову «цивилизация» дать невозможно. Этот факт отметил еще Ф. Бродель в одном из своих ранних трудов под названием «Грамматика цивилизаций», написанным в далекие ныне 60-е гг. XX в. Как подчеркивают издатели, к счастью, этот труд французскому историку так и не удалось превратить в учебник, и теоретические положения, высказанные в нем, до сих пор обладает большой эвристической силой. Несмотря на прошедшие полвека, отмечают авторы русского предисловия к этой книге, реальность подтвердила, что представленный «анализ долговременных тенденций общественного развития... по многим проблемам оказался пугающе точным и в силу этого требует самого внимательного отношения».

В контексте данного исследования важным утверждением является вывод Ф. Броделя о том, что категория «цивилизации» относится к тем «первичным структурам», «фундаментальным основам», которые, с одной стороны, являются исторически непреходящими, а с другой стороны, постоянно меняют свое значение, не перестают эволюционировать на наших глазах.

Действительно, именно «вечность» феномена цивилизации позволяет объяснить возрождение интереса к этому термину в эпоху неустойчивости, когда подвергаются сомнению прежние формы существования и функционирования мира. С другой стороны, именно в такие времена появляются шансы для новых экспериментов и трансформаций. Каковы же, в таком случае, возможные и реальные изменения и каковы новые смыслы, которые характеризуют «цивилизацию» сегодня?

1. Уходящая дилемма: «цивилизация» – «варварство»

Прежде всего, следует обратиться к той ситуации, в которой мы все еще продолжаем пребывать, но которая уже отмечена признаками своего заката. Эта ситуация касается «координаты времени». Мы являемся свидетелями затухания определенной концепции объяснения истории, исчезновения «некоей идеи, свойственной XVIII в., а именно *цивилизации*, которую путают с идеей прогресса, якобы присущего лишь некоторым привилегированным народам или некоторым привилегированным группам людей – “элите”». Эта мысль была сформулирована Ф. Броделем в середине XX в. Он поторопился констатировать факт: «К счастью, XX в. избавился от некоторых поверхностных суждений и уже не берет на себя смелость определить лучшую... из цивилизаций». Тогда, в эпоху установившего «баланса сил» двух миров – «капиталистического» и «социалистического» казалось, что дела обстоят именно так. Появилось убеждение, что никто не может претендовать на превосходство – культурное или цивилизационное, что эра сверхчеловека дискредитировала себя, что миссия «белого человека» безвозвратно исчерпана. Ход истории, однако, опроверг этот оптимистический вывод. Конец XX в. и начало XXI в. продемонстрировали возвращение идеи «исключительности» одной нации, которая желала бы определять ход мировой политики на основании противопоставления «цивилизованных» наций «варварству». Возможно, правда, это был последний всплеск перед окончательным исчезновением старой концепции мира.

Истины ради следует признать, что анналы истории хранят не одно свидетельство причудливого сочетания ощущения собственной избранности и отношения к «чужакам» как к ордам необузданных дикарей. Такое самосознание в отдельные периоды было присуще многим состоявшимся цивилизациям. Большинство из них самодовольно полагали, что они единственные, кто составляет цивилизованное человечество, а весь остальной мир населяют исключительно варвары. Всем известна история Китая, одно наименования которого в качестве Поднебесной и Срединного царства, говорит само за себя. Китайская Империя почитала себя самой древней, самой преуспевающей и самой

милосердной. К этому не лишним будет добавить, что в период правления императора Цзяньлуна, пришельцев с Запада называли «варварами Южного моря».

Канонизация собственных побед и достижений, осознание своей исключительности, разумеется, встречались и позже. Они периодически возникали в определенные эпохи, как правило, в результате катастрофических событий планетарного масштаба. И хотя тогда еще не был изобретен термин «конец истории», именно такое предвкушение господствовало в среде победителей. Так, чувство завершенности истории охватило жителей Севера США после завоевания Запада и победы федералистов в Гражданской войне. Жители Великобритании конца XIX в. также полагали, что история для них закончилась, причем весьма благополучно. Конец истории на международной арене они датировали 1815 г., когда произошла битва при Ватерлоо. Во внутренней политике такой вехой послужил Билль о реформе 1832 г. И, наконец, последнюю точку в этом процессе вступления в золотой век поставил 1859 г. – год подавления Индийского мятежа. Отныне будущее казалось безмятежным, а статус «избранной нации» незыблемым.

Мироощущение англичанина того периода можно охарактеризовать как существование «на вершине холма». Подданный Англии, писал А. Тойнби, воспринимал «как данность – без всяких доказательств – то, что лично он стоит на *terra firma*, вне опасности быть поглощенным тем безостановочным потоком, куда Время унесло всех его менее удачливых собратьев. Из своего привилегированного состояния освобождения от истории, как он думал, англичанин Викторианской эпохи снисходительно, хотя и с любопытством и оттенком жалости, но без всякого опасения или дурного предчувствия, взирал на жизненный спектакль менее счастливых обитателей других мест и времен, борющихся и погибавших в половодье истории, – почти так же, как на каком-либо средневековом итальянском полотне спасенные души самодовольно глядят с высоты райских куц на мучения обреченных попавших в ад».

Однако следует подчеркнуть, что именно концепция Просвещения с ее всеобъемлющей социально-политической рационализацией и верой в силу разума *homo sapiens*, заместившего Бога, создала тот вариант гегемонистских устремлений, плоды которых человечество пожинает теперь. Европейская концепция Нового времени, отождествив цивилизованность и прогресс, дополнила идею «избранности» постхристианской эсхатологией, которая означала, что бой будет «последним», а победа окончательной и бесповоротной. Такое мировосприятие предопределило жесткость противостояния, свидетелями которого мы являемся сегодня.

«Конец истории» XX столетия был рожден из противоборства мировоззрений, самого бескомпромиссного из всех существующих видов человеческих баталий, потому что суть его составляет борьба ценностей. XX в. принес не только «миру мир», но и потенциальный тлеющий конфликт, ожидание последнего и решительного боя, к которому готовились две непримиримые идеологии, стремящиеся к одной цели – унификации мира согласно основным положениям своих доктрин – западная «техницистская» идеология и коммунистическая. Первая, правда, оказалась более агрессивной, изощренной и успешной, чем вторая, преследуя сегодня цель завоевания контроля над населением всей планеты.

Евро-американская идея покорения человечества нашла свою победоносную методологию не сразу. Первоначально наступление шло, что называется, «в лоб». Европейская цивилизация пыталась заместить коренные верования и образ жизни народов «новых земель» целиком и полностью, «одним пакетом», через миссионерство, прямое управление (англичане в Индии) или уничтожение аборигенов (США и др.). Результаты, однако, не были равны ожиданиям, да и процесс оказался слишком затратным. Неудачу потерпели даже иезуиты, которые не смогли обратить китайцев и индусов в католичество.

Ситуация изменилась кардинально, как только было сделано открытие, которое можно, ссылаясь на рассуждения А. Тойнби, назвать эффектом культурного луча. Из оптики известно, что некоторые из линий спектра обладают большей проникающей способностью по сравнению с другими. Соппротивление среды расщепляет луч на составные части.

Сходная ситуация имеет место и с культурным лучом цивилизации. «Закон» столкновения между цивилизациями гласит, что «отдельный фрагмент какой-либо культуры, отщепленный от культурного целого и запущенный на зарубежную орбиту, сам по себе имеет шанс встретить меньше сопротивления и, таким образом, может продвигаться быстрее и дальше, нежели чужеродная культура, переносимая на новую почву целым блоком».

«Утилитарный образец» западной цивилизации в форме достижений науки и техники распространился по миру с быстротой молнии. Что касается духовной составляющей, некогда представленной христианством, то отказ от религии создал возможность замены веры на «общечеловеческие ценности», которые вместо завоевания локальной религией Запада иных конфессий выглядели как нейтральное послание всему человечеству. Однако изобретенный Западом метод проникновения в другие культуры, оказался, на деле, не таким безобидным для принимающих цивилизаций, как казался.

Атом какого-либо элемента, находясь в связанном состоянии, не приносит вреда окружающей среде, но при расщеплении его частицы могут оказаться смертоносными, например, радиоактивными. Вирус болезни, к которой существует иммунитет у одного народа, уничтожает племена, которые с ним не сталкивались. Точно так же, «свободный луч культурного излучения, как свободный электрон или вирус заразной болезни, может оказаться смертельным в случае, если будет пущен на волю в совершенно новую для себя среду. В первоначальной, родной структуре этот культурный луч, бактерия или электрон не имели возможности сеять смуту, будучи жестко привязаны к остальным компонентам той структуры, где все части и функции пребывали в равновесии. Теряя связь с первоначальной структурой, свободная частица, бактерия или культурный луч не изменяют своей природы, однако та же, прежде безвредная природа вдруг обретает смертоносную силу, разорвав причинные связи. В этих обстоятельствах, где «усопшему мир», там «лекарю пир», иными словами, что одного лечит, другого калечит». Проникнув через щелку, пробитую клином техники, евро-американская цивилизация принесла немалые беды народам, далеким по своему мироощущению от этой цивилизации. Примеры такого разрушительного культурно-цивилизационного воздействия в последние годы множатся и рискуют привести все человечество на грань новой мировой войны.

Конкурировавшая с «технической» коммунистическая идеология, являясь, с одной стороны, наследием идей Просвещения и всеохватной рационализации мира, а с другой стороны, выступая с критикой западного образа жизни, также видела себя как общепланетарное явление и средством достижения своей цели в начале XX в. предполагала «мировую пролетарскую революцию», раздув «мировой пожар». Оба направления были эсхатологическими, и потому оба сохранили главную идею христианской цивилизации – эсхатологическую. Только сформулировали они ее по-разному. Идея конца мира трансформировалась в «технической идеологии» в принцип открытого мирового господства, «мировой гегемонии». Этот тезис в конце XX в. был переформулирован в триумфальный слоган «конца истории» и подтвердил концепцию «избранного народа», единственно достойного управлять Новым мировым порядком под эгидой «исключительной» американской нации. «Конец света» в его восточном варианте долгое время опирался на идею «спасения», которая составляет суть православной концепции мира. Иновариантом этой идеи была концепция «катехона», «удерживающего», в своей светской модификации постоянно воспроизводившуюся как желание «подморозить» Россию. В Московском царстве – это «спасение праведников в лоне истинной веры», которых «собирает» Святая Русь. Петровская Россия спасает себя, заимствуя «западную технологию», позволившую ей выстоять против экспансии Запада и тем самым оттянуть наступление «конца света» на своей территории. «Петр – это архетип авторитарного реформатора в западном духе, и он на два с половиной столетия избавил мир от попадания в полную зависимость от Запада, научив его противостоять западной агрессии ее же собственным оружием». Ататюрк в Турции, Мехмед али Паша в Египте, чиновники в

Японии – вольно или невольно ступали по тропе, проложенной Петром Великим, в кратчайшие сроки осваивая западные технологии с одной-единственной целью – не быть покоренными. Наконец, коммунисты также видят себя спасителями человечества от буржуазного рабства, победив насилие и установив всемирную справедливость.

Хотя XX в. подтвердил и объективировал противоречие между Западным и Восточным миром, которое, по словам К. Ясперса, со времен Геродота осознается как «исконная и вечная противоположность, являющая себя во все новых образах» и даже, как он пишет, «подобна глубокой исторической тайне, проходящей через века», все же в это время было впервые создано достаточно устойчивое равновесие в мировом политическом пространстве. Оно казалось весьма прочным особенно после того, как две сверхдержавы стали в равной степени обладательницами самого разрушительного оружия современности – атомной бомбы. Конфликт, если и существовал, рассматривался в примирительном ключе как соревнование, но никак не в перспективе военного столкновения. Падение коммунистического режима создало предпосылки для масштабного господства одной единственной идеологии, которая не преминула воспользоваться уникальной ситуацией для утверждения американской гегемонии под видом глобализации и под идейным прикрытием «продвижения демократии и так называемых общечеловеческих (евро-американских) ценностей». Новый мировой порядок, по логике «исключительности» и по праву победителя, утверждал новое противопоставление «цивилизации» «варварству».

Надо признать, что до сих пор этот идеал Нового мирового порядка себя не изжил. Большинство американцев сегодня убеждены, что разделение мира проходит между погруженным во мрак Востоком и светоносным Западом. Американская стратегия на мировой арене продолжает позиционировать США как «всемирную универсалистскую нацию», «исключительную и провиденциальную имперскую республику», которая изрекает глобальные общечеловеческие ценности и от их имени уничтожает «врагов цивилизации». Америка провозгласила новую концепцию мировой справедливости, во имя которой ведет великую битву. Война эта идет против «государств-бандитов», «государств-разбойников» («États-voyous» ou «brigands», rogue States), или же государств с «отклоняющимся поведением». Согласно этой концепции множество так называемых «премодерных» (а значит, нецивилизованных) государств предстает как угроза «Новому мировому порядку». Идеологема «бремени белого человека» получает новую интерпретацию. Возрождаются традиции мелиоративного интервенционизма. Некогда англичане провозгласили себя носителями цивилизаторской миссии для отсталых народов. Сегодня США выступают с программой административного переустройства «отсталых» государств. Аргументация проста: поскольку последние сами не могут рационально управлять своими ресурсами, они нуждаются в опеке, чтобы приобрести американский образ жизни в обмен на богатства своих недр.

Понятно, что логика любого противостояния, в конечном счете, ведет к человеческим жертвам, и крайней формой катастроф такого рода является геноцид. И вот сегодня уже некоторые виды геноцида рассматриваются как позитивные и даже полезные, что подспудно влечет за собой возрождение фашизма, что мы и наблюдаем в некоторых регионах земного шара. В политических исследованиях западных историков предпринимается типологизация геноцида как феномена. Классификация включает среди прочего такие виды, как «утилитарный геноцид» и «идеологический геноцид». «Утилитарный геноцид» связан с завоеванием территорий. «Идеологический геноцид» предполагает «навязывание верований, теорий или идеологий» или же уничтожение групп населения, которые предварительно дьяволизированы пропагандой и представлены средствами массовой информации как «тотальный враг». Несмотря на наличие определенной дискуссии, постепенно формируется идея «хорошего» – приемлемого геноцида, который может рассматриваться как необходимый для выживания человеческого

рода. Таковы, например, бомбардировки Хиросимы и Нагасаки (которые в американских учебниках истории не получают отрицательной оценки) или же бомбардировки Югославии. Возникают новые преграды, огораживания, стены. В основе современной мировой фортификации лежит стремление отгородиться от новых «варваров», и это притом, что одновременно декларируется объединение всего человечества и отказ от национальной идентичности как фундамента самостоятельного государственного существования. Окончание «холодной войны», согласно заявлениям теоретиков глобализации, открыло новый мир без границ – наступил «конец истории» и «конец территории». Символом нового единения человечества было признано знаменитое падение берлинской стены, которое торжественно праздновали в Европе. Однако не прошло и двух десятилетий, как в разных частях планеты стали вновь возводиться самые разные стены, глубоко символического содержания. Среди многочисленных сооружений этого толка самым многозначительным стала стена длиной в 1000 км, которая была возведена флагманом глобализации – США на границе с Мексикой в 2005 г. Это так называемая «Аризонская стена». По иронии истории получается, что именно страна, провозгласившая «мир без границ» и новое всеединство, на практике укрепляет старое разделение на «чистые» и «нечистые» нации, на «цивилизованные» народы и «варваров».

2. «Универсальная евро-американская цивилизация» или мир «цивилизаций»?

Одновременно с идеей об универсальной модели современного развития, которая представлена прогрессивной и технологически наиболее развитой евро-американской матрицей, появилась идея столкновения цивилизаций, достаточно полно выраженная, как известно, С. Хантингтоном. Уже сам перевод проблемного поля исследования в область множественного числа, когда речь идет не об одной образцовой цивилизации – флагмане человеческого развития, а о возможном существовании наряду с ней и вопреки ей других цивилизаций, символичен. Мир готовится к новому существованию, он – на пороге переформатирования.

Дискуссия об универсальности западных ценностей фактически ограничивается ценностями «индустриальной цивилизации», которая действительно родилась на Западе и является его характерной чертой. Именно индустриальная революция создала такой силы динамический импульс, который позволил евро-американской модели развития стать во главе материального прогресса. Рационализация всех сторон общественной жизни означала отказ от религиозного ядра западной цивилизации, что именно и позволило ей предстать как универсальный инструмент развития. Как справедливо указывает А. Тойнби, первые попытки распространения западной модели были тесно переплетены с религиозным миссионерством, и именно это встречало жесткий отпор и сопротивление других народов. Как только произошло отделение технологической оболочки западной модели от культурно-ценностной религиозной сердцевины, все преграды пали. После того как евро-американская технологическая модель завоевания мира избавилась от своей цивилизационной сердцевины – религии христианства – она пронеслась по миру «лесным пожаром», по красноречивому выражению английского историка.

Действительно, технические достижения воспринимаются обычно как нейтральные, не затрагивающие культурных оснований народа (хотя на самом деле это не так), и потому легко допускаются в качестве заимствования. В реальности западная технология является неотделимой от западных образцов поведения и образа жизни, которые как воины в чреве троянского коня, тайно следуют за техникой, разрушая традиции и генетический код стран и народов, в которые они проникли. Именно это составляет новейшую технологическую формулу Запада, который объявляя технологии, а вслед за ними и свои ценности универсальными, всеобщими, «общечеловеческими» по факту реализует цель «мирового господства». Таким образом, «техницистская идеология» становится основой и главным инструментом «агрессии Запада». Запад выглядит как «архиагрессор современной эпохи», – по меткому замечанию А. Тойнби. «...Западная цивилизация имеет своей целью

не больше и не меньше как включение всего человечества в единое общество и контроль над всем, что есть на земле, в воздухе и на воде и к чему можно приложить для пользы дела современную западную технологию», – пишет он по этому поводу.

Однако одновременно с экспансией Запада начался процесс самоопределения других цивилизаций. Этот момент имеет принципиальное значение, потому что, несмотря на постоянный «диалог цивилизаций», бесконечную историю контактов и заимствований, фундаментальным моментом формирования самостоятельной цивилизации являются так называемые «долговременные отказы», т. е. исторически повторяющиеся отторжения жизненно чуждых ценностей и принципов, без чего данная цивилизация не могла бы выжить. Без такого рода «долговременных отказов» не может быть цивилизации как таковой. «Не может существовать цивилизации, достойной так называться, если она что-то не отвергает, от чего-то не отказывается», пишет видный французский этнограф и социолог, племянник и ученик Эмиля Дюркгейма М. Мосс.

Ту же мысль высказывает М. Фуко, утверждая, что для самоопределения цивилизации главными являются так называемые «пределы». Цивилизация самоутверждается, очерчивает поле самостоятельного существования именно в результате выбраковывания недопустимого для себя наследия. Мишель Фуко называет это словом «разделиться», что следует понимать как отвержение той или иной неприемлемой для данного коллективного сообщества ценности. Тем самым формируется круг отчуждения, пишется «история пределов...», при помощи которых цивилизация отбрасывает нечто, что представляется ей чужеродным». Образуется неопределенное пространство, которым данная цивилизация себя изолирует, позволяя тем самым выявить и обозначить свои собственные ценности. Идет процесс, именуемый сегодня формированием генотипа народа, нации, который Ф. Бродель называет «очищением коллективной личности».

Этот процесс можно проследить на примере исторического формирования российской цивилизации. Главным подобным «пределом» для ее самоопределения следует полагать «долговременный отказ» 1054 г., который известен в истории как «Великий раскол», «Великое разделение церквей». Именно тогда произошло кардинальное размежевание ценностей, которое положило начало оформлению ни много, ни мало, как двух мировоззрений. Это был ключевой момент грядущего расхождения России и Запада. Это был тот самый «отказ», постановление предела, который разделил, разграничил два мировосприятия, два набора ценностей.

С этого момента западные христиане стали называться римо-католиками, а восточные – православными. Но это событие не было событием исключительно церковной истории. Это было прежде всего событие культурное и политическое. Георгий Федотов, глубокий исследователь истоков русского самосознания писал: «Русская мысль и сердце были отлиты по восточно-христианской форме. После 1054 г. стали фактически невозможны официальные церковные отношения с Западной Европой; после монгольского завоевания в 1240 г. политические и культурные связи с Западом были почти полностью расторгнуты. Эти два факта послужили источником и своеобразия, и органичности русской культуры, ее величия и ее изъянов».

В основу расхождения изначально легли две разные культуры. Восточно-Ромейская империя (Византия) была наследницей собственно греческой культуры, а древнегреческий менталитет был сосредоточен, преимущественно, на умозрительных и отвлеченным вопросам бытия. Западные римляне предпочитали другое «жизненное пространство» – пространство права. Они обладали непревзойденным государственно-правовым гением. Мы живем в XXI в., а предмет «римское право» составляет основу обучения во всех юридических вузах. Однако и дальнейшее развитие показало, что если восточное направление продолжало оставаться созерцательным, то западное углубилось в конкретно социальные проблемы. Более того, само христианство на Западе было воспринято «как богооткровенная программа общественного устройства» социального и впоследствии правового строительства. Приняв Евангелие, латиняне не перестали быть самым

государственным в мире народом, не забыли, что они создатели образцового права. Они мало интересовались богословскими спорами Востока. Все внимание Рима было сосредоточено на решение практических вопросов христианской жизни – обрядах, дисциплине, управлении, создания института Церкви. К VI в. Римская кафедра подчинила себе почти все западные Церкви, с которыми установился «диалог» по знаменитой формуле – *Roma locuta est – causa finita est?* (Рим сказал – и дело закончено). Рим стал сначала политическим центром античного мира, а затем и средневекового.

Совсем иначе обстояли дела в Восточной Риме. После создания в 313 г. Константином Великим христианской империи Восток с его умозрительным складом ума охватила настоящая философская лихорадка. Вот как ситуацию того времени и свои впечатления описывает христианский богослов и философ Григорий Нисский. Прогулявшись по улицам Константинополя, он стал свидетелем картины, которую передает с немалой долей удивления и иронии: «Одни, вчера или позавчера оторвавшись от черной работы, вдруг стали профессорами богословия. Другие, кажется прислуги, не раз битые, сбежавшие от рабьей службы, с важностью философствуют о Непостижимом. Все полно этого рода людьми: улицы, рынки, площади, перекрестки. Это – торговцы платьем, денежные менялы, продавцы съестных припасов. Ты спросишь их об оболах (денежная единица), а они философствуют о Рожденном и Нерожденном. Хочешь узнать цену на хлеб, отвечают: «Отец больше Сына». Справишься: готова ли баня? Говорят: «Сын произошел из ничего». И подобное стало повседневностью не в одном только Константинополе, но по всему Востоку.

Таким образом, главный поворот, который имел место в лоне западной цивилизации – это поворот от ориентации на потустороннее к углублению в социальное, мирское, светское. Именно это обозначается современными западными исследователями как процесс рационализации, который привел, в конечном счете, через Реформацию и протестантизм к окончательному отказу от религии. Восточный мир, несмотря на постхристианский атеизм, сохранил в качестве сердцевины своего мировоззрения иррациональные с точки зрения «правового Запада» элементы поведения и жизненного уклада, нередко отвергая «рациональный расчет» как единственную и вездесущую основу. В российском восприятии вообще силен акцент на «блуждании», поисках в вере, странничестве, неприкаянности в земной жизни, которое накладывает определенный отпечаток на отношения в хозяйственной сфере. В этом смысле русский человек до сих пор остается тем самым «таинственным незнакомцем» в среде общепринятых экономических деловых взаимоотношений, о котором так много писала русская литература и философия. Кочевническая стихия русского человека, мистически-сказочное самочувствование, сохранились в глубинах архетипа российского человека. Они заставляют его и сегодня определять земное как преходящий лик этого мира, существующее «только предварительно, только так, до времени и между прочим, в душе же живет и ширится, – как пишет С.Н. Булгаков, – одна мечта – о Будущем.». Само восприятие природы у него созерцательно-философское, а не деятельно-трудовое. Природа – это место отдохновения, а не мастерская. И такое отношение к миру входит в противоречие с требованиями целерационального мироощущения западного человека.

Затянувшееся самоопределение российской цивилизации и одновременно ее потенциальная самобытность связаны, отчасти, с определенной естественно-природной замкнутостью, географической отграниченностью от других цивилизаций. Это – еще один «предел» – геополитический.

К. Ясперс выделил три системообразующих единицы «осевого времени», которое заложило фундамент современности – Запад, Византию и Ислам. Взаимодействие этих трех источников стали решающими для преобразования картины мира. Если принимать это во внимание, то следует напомнить, что западноевропейская цивилизация оформилась географически, среди прочего, в результате длительного противоборства с исламским миром, который претендовал на освоение Средиземноморья. Для России угроза со стороны

агрессивной культуры Ближнего Востока сдерживалась естественной границей так называемых «холодных пустынь». «Если взять холодные азиатские пустыни, то здесь ислам в полной мере испытывал непрочность своего господства, которое оставалось «маргинальным», учитывая воинственность живших в этих местах кочевников. Мусульманский Туркестан, где было много оазисов, всегда был регионом, где ислам создавал свои аванпосты, но не предпочитал более солидные укрепления». Что касается самой Европы, то после «Великого раскола» контакты России с ней на постоянной основе отсутствовали, а татаро-монгольское нашествие еще более усилило изоляцию. Естественные географические «пределы» со временем трансформировались в геополитические, которые после столкновений с Западом в более поздние времена приводили к созданию достаточно устойчивых буферных зон так называемых «лимитрофных» государств. Понимание подобных основ делает, например, дискуссию о «нероссийской» принадлежности Крыма исторически бессмысленной, ибо именно там проходит граница «холодных пустынь», останавливающая наступление на Россию исламского мира, а под его прикрытием и Запада.

3. Политическое оформление цивилизаций – «государства-цивилизации»

Современная перестройка мирового пространства, обращение к его «вечным» устоям – цивилизациям порождают совершенно новую категорию осмысления современности – так называемые «государства-цивилизации». Следует сказать, что, несмотря на свое недавнее рождение, термин «государство-цивилизация» уже существует в российской и западной политологии, он даже вошел в единичные российские и западные интернет-словари. Особенно активно его начали обсуждать на Западе после появления книги британского историка и журналиста Мартина Жака «Когда Китай правит миром: конец Западного Мира и рождение Нового мирового порядка», изданной почти одновременно в двух странах – США (2008 г.) и Великобритании (2009 г.). В ней автор использовал словосочетание «государство-цивилизация» как новую политико-философскую категорию применительно к Китаю. В отношении этой работы развернулась серьезная дискуссия среди западных и незападных интеллектуалов.

Главной новостью для зарубежных исследователей оказалось то, что Китай «модернизируется, но не вестернизируется», что, несомненно, бросает вызов «традиционной западнцентричной теории международных отношений». Однако примечательно другое. Мартин Жак в своей работе констатирует, что мы являемся свидетелями возникающего на наших глазах «раскола современности», и, соответственно, концепций ее осмысливающих. Сегодня, утверждает он, уже не существует единой и единственной западной современности, появляются новые ее разновидности. Мы живем, в эпоху «оспариваемой современности» (a new era of «contested modernity»), в эру конкурирующих концепций и идеологий различных наций. И главной среди таких концепций является «государство-цивилизация».

Помимо Китая сегодня в рамках этой категории переосмысливается будущее Индии, Бразилии, Индонезии. При этом аналитики признают, что западная ментальность – это исключительно ментальность национального государства, и сквозь эту призму нельзя понять особенностей и новизны этих стран. «Дело в том, что все концепции, которые мы использовали до сих пор, чтобы осознать ход развития стран и международных отношений, были западными концепциями, исходящими из западного опыта, рожденными пониманием проблем, поставленных эволюцией Европы или США», заключает М. Жак.

Европейские исследователи признают, что нет никакой возможности понять реалии Китая, если рассматривать его так, как если бы он был продуктом их собственной цивилизации. Такое отношение к Поднебесной является функцией высокомерия и невежества, и подобная позиция чревата маргинализацией западной теории и практики в будущем. Нельзя считать, что евро-атлантическая традиция превосходит все остальные, что образ жизни иных

народов есть некое отклонение от образца, и, следовательно, они стоят на более низкой ступени развития.

Необходимо заметить, что и сам Китай долгое время, находясь под прессом западной ментальности, причислял себя к национальным государствам. Как хорошо выразился по этому поводу американский специалист по Китаю Люциан Пай: «Китай – это цивилизация, которая должна была долгое время изображать из себя национальное государство, чтобы адаптироваться к европейским нормам из-за своей политической и экономической слабости в конце XIX в.».

Сегодня китайцы с удовольствием восприняли идею «оспариваемой современности» и стали ее развивать. Они считают, что возник новый вариант модерна помимо европейского – Восточно-азиатский модерн (the formation of East Asian modernity). «Сначала появилась Япония (которая стремилась во что бы то ни стало сохранить свои традиции), потом «четыре тигра», или в китайской интерпретации «четыре дракона», затем Китай. И теперь можно говорить о Восточно-азиатской современности, о восточно-азиатском модерне», – написал китайский ученый Гуанг Хиа в ответ на книгу М. Жака. Как гласит китайское изречение, нечто начинают признавать, когда исключение из правила, становится правилом исключений.

Концепт «государство-цивилизация» стали активно использовать в Китае. Главную задачу китайские исследователи видят в том, чтобы, как они выражаются, «декодировать», расшифровать китайскую цивилизацию. Причем, процесс этот предусматривает два главных направления. Во-первых, речь идет о переоценке *самой китайской истории* в цивилизационной перспективе, а во-вторых, подчеркивается, что нужно определить отличие собственной истории, вывести ее за рамки *западной* цивилизации, где центральной идеей является идея национального государства.

Исторически институт национального государства есть, действительно, порождение европейской политической культуры. Для Европы он был органичной, естественно возникшей формой существования, потому что такое политическое оформление хорошо ложилось на лингвистическую карту Европы, которая представляла собой своего рода «лоскутное одеяло», т. е. четко разграниченные компактно проживающие на определенной территории национальности. Если там и существовали какие-то небольшие вкрапления других народов, то они были настолько численно незначительны, что априори признавали политический выбор главной языковой и национальной группы. Так рождались самостоятельные государства-нации.

На Востоке наблюдается совершенно иная картина. Национальности здесь настолько перемешаны, что лингвистическая карта имеет совершенно особую структуру. Она скорее «похожа на переливающееся шелковое покрывало... Люди, говорящие на разных языках, не разделены так четко, как в Западной Европе, они перемешаны географически, как бы чередуясь домами на одной улице одних и тех же городов и деревень; ...лингвистическая карта напоминает ковер, в котором нити разных цветов переплетаются между собой...». Именно по этой причине западный политический институт «национальных государств», как и всякий институт, вырванный из привычной среды, наносит непоправимый вред тем восточным государствам, в которые он трансплантируется как продукт современной американской теории по политической перестройке «неразвитых» государств. Китай в этом отношении находится в достаточно благоприятном положении, т. к. главную часть населения страны, более миллиарда человек, составляют китайцы-ханьцы. И потому политическое притворство в период экономической слабости, о котором говорилось выше, не привело к тем катастрофическим последствиям в этой стране, какие мы наблюдаем в странах Ближнего Востока, где внутринациональные противоречия используются как источник дестабилизации этих государств. Вирус национализма, упорно распространяемый Западом, приносит только смуту и опустошение в те регионы Востока, в которые он сегодня импортируется.

4. «Государство-цивилизация» как вариант поиска самоидентификации современного российского общества

В последние годы в России шел интенсивный поиск новой формы политического бытия. Неопределенность будущего рождала столь же туманные термины, которые определяли перспективы развития страны и ее государственного оформления. Среди них появились, например, такие наименования, как «региональная интеграция», «новая форма политики» и т. п.. Несмотря, правда, на эти теоретические новшества, доминировали два устоявшихся воззрения – главным предметом выбора и дискуссии были империя и национальное государство. Первая обсуждалась, потому что такой опыт имелся, как признавали все, в истории самой России. Второй вариант примеривался к российской действительности, потому что по этому пути пошла Европа. Идея «национального государства», по заданной евро-американской матрице унификации мира, считалась наиболее успешной и прогрессивной и даже перешла в разряд эталона общечеловеческого универсалистского типа развития. То, что путь «национального государства» применительно к России означал неизбежный распад страны, западных аналитиков не смущало. Они даже «помогали» нам приобщиться к такому проекту, рисуя, например, план разделения государства российского на три «свободных государства» – Европейскую Россию, Сибирскую республику и Дальневосточную республику.

Что касается идеи империи, то в ситуации с Россией обсуждение этого феномена приводило к неожиданному результату, далекому от привычных западных описаний империи как деспотии и тирании. В свое время, К. Ясперс, намечая структуру мировой истории, указал на диалектику идеи империи, так хорошо знакомой европейскому миру. «...Если первоначально эта идея была творческим принципом культуры, – писал он, – то теперь она становится принципом консервации и стабилизации гибнущей культуры». Такая эволюция, действительно имевшая место в Европе, как «калька» переносится на объяснение политических процессов в других регионах планеты. Однако, учитывая конкретные обстоятельства, о российской империи все непредвзятые исследователи говорят с постоянными оговорками, отстраняясь от диктаторского и деспотического акцента колониальных империй Запада. И, действительно, Российская империя – это необычная империя. Империя без покорения входящих в нее народов. Фактически империя без господства и подавления, т. е. отходящая от привычного образца отношений метрополии и периферии, когда центр живет за счет природных и человеческих ресурсов, выкачиваемых из колониальных окраин. Уже сам факт такого отклонения в реализации имперской философии означал, что назрел вопрос о переосмыслении понятия империи. Одновременно, быстро развивающаяся глобализация мирового пространства создала новый, невиданный доселе феномен – феномен США, которые сегодня именуется западными аналитиками империей нового типа, которую обозначают как «облегченную империю», «империю без колоний», «нетерриториальную империю».

Подобные обстоятельства, а также вновь развернувшаяся дискуссия об империи, привели к появлению нового термина – «импероподобное государственное образование», который пока окончательно концептуально не определен. Существенно, однако, то, что эта новая политологическая категория задевает самую сердцевину проблемы и предлагает вариант решения дилеммы «национальное государство» – «империя». Родоначальник нового подхода А. Фурсов пишет по этому поводу: «Русские должны превратиться в нацию, но нацию – ядро не столько национального государства (нации-государства), сколько ядро импероподобного образования».

В самый разгар спора о перспективах альтернативы «империя» – «национальное государство» на исследовательском горизонте появилась новая категория, предложенная для политико-философского осмысления – «государство-цивилизация». Надо признать, что далеко не все российские ученые, обратившие внимание на это понятие, сочли его приемлемым для России. Так, А. Фурсов полагается больше на идею «импероподобного

государства», с которым он связывает наиболее продуктивное будущее России. Он считает, что именно «импероподобное государство» должно составить конкуренцию недавно возникшему понятию, именуемому «государство-цивилизация».

Идея «государства-цивилизации» сегодня находится в стадии предварительного обсуждения, и потому не следует упускать возможности рассмотреть такой вариант эволюции применительно к нашей стране, избрав в качестве опорной точки указанное исследование китайского варианта «государства-цивилизации».

Как говорилось выше, китайские аналитики, приняв без сопротивления и даже с определенной долей удовлетворения новое определение своего политического бытия как «государства-цивилизации», начинают с того, что пытаются «декодировать» китайскую цивилизацию, акцентируя ее отличие от западной, опираясь при этом на традицию, представленную, прежде всего, конфуцианством. Мы сегодня также ищем глубинные основы российского бытия в традиции, и в этом отношении без анализа православного фундамента нам тоже не обойтись. Идея православия, несомненно, предстает как устойчивый первичный «долговременный отказ», определяющий границы самобытности российской цивилизации. Из некогда полностью религиозного основания сегодня он трансформировался в культурно-цивилизационное, которое создало основу особого мировоззрения. Именно оно позволяет говорить на равных с европейской цивилизацией, ибо обе цивилизации происходят из одного источника, и Россия, таким образом, по признанию западных исследователей, составляет «другую Европу». Причем неизвестно еще, какая из них сегодня несет истину миру и, в этом отношении может стать первоосновой. «Другая» не значит «вторая», а уж тем более «второсортная». Тем более, что признаки грядущих перемен уже обозначились.

Сегодня, когда на Запад идет наступление исламского мира, сохранившего такое духовное оружие как «братство», давно утраченное западным индивидуализмом, угроза предстает нешуточной, потому что ислам способен занять тот духовный вакуум, который образовался в самом сердце западной культуры. Дело в том, что столкновение между остальным миром и Западом переходит из сферы технологической в сферу духовную. И здесь ислам несет в себе мощный заряд. В мусульманстве поддерживается традиционная идея, что все мусульмане – братья по религии, независимо от различий в расе, языке и образе жизни. Мусульманское влияние, таким образом, приобретает дополнительную силу, ибо предоставляет шанс для объединения человечества, в то время как западная идеология частного предпринимательства по самой своей сути не может даже предполагать такого обещания. Смысл капиталистического бытия – в иерархии и разделении на богатое меньшинство и бедное большинство, которое сегодня уже есть огромный по численности всемирный пролетариат. Вместо нового «всеединства» человечества на выходе мы имеем известную жесткую альтернативу – «золотой миллиард» против «внешнего пролетариата». Что касается самоопределения России в отношении западной модели, то анализ идеи империи вскрывает неожиданную смысловую близость ее с концептом «государства-цивилизации», делая, таким образом, оба понятия равно конкурентоспособными на современном этапе. Это возможно потому, что в основании логики «государства-цивилизации» и в основании логики *империи в ее каноническом смысле* лежит общий принцип, который отделяет их от идеи «национального государства».

Фундаментом национального государства является власть как *potestas*, власть как *публичная политическая сила*, как властное принуждение, а также как возможность обеспечить такое принуждение. Основу империи составляет *власть как imperium*, которая означает чистое могущество распоряжения, как бы мистическую силу *auctoritas*, мистическую силу власти. Разделение власти на власть как *potestas* и *власть как imperium*, предложенное античной мыслью, подчеркивает, что суть первой – это материальная сила власти, тогда как вторая есть духовная сила, духовная мощь, воля.

Рассмотренные с такой точки зрения, «нации-государства», в определенном отношении, представляют тенденцию «материализации» политики, ухода от метафизики, от

универсалий, реализуя позитивистскую направленность европейского бытия. Что такое национальное государство? Прежде всего, это – отграниченная территория, лингвистически, культурно и географически. Фундаментом национального государства в его окончательной формуле становится атомизированная социальная единица – индивид, основой самостояния, опорой которого объявляется собственность. Динамику национального государства образуют столкновения и конфликты внутри гражданского общества, состоящего из субъектов, выражающих свои права через формальные предписания и законы. Как заметил еще в XIX в. Вл. Соловьев, государство в Европе складывалось как результирующая противоборствующих сил. Сначала это была борьба светской и духовной власти. Затем возникло противостояние *равнозначных* претендентов на власть: короля, духовенства, феодалов и городских общин. В Новое время государство предстало как итог борьбы классов и партийных интересов. Смысл европейского государства, таким образом, – в уравнивании интересов. Логическим продолжением этой идеи является модель правового государства, ибо право призвано найти равновесие частной свободы и общего блага. Отсюда и название – state, etat, estado, staat – с латинским корнем status.

В противоположность «нации-государству» империя изначально сверхтерриториальна и динамикой ее управляет стремление к объединению, а не конфликту, желание примирить разноликое множества внутри единого государственного тела. Духовный объединительный принцип формулируется по-разному – как учение, доктрина или просто популярная политическая идея, как в примере с современными США, унифицирующими мир под лозунгом «продвижения демократии». Ален де Бенуа пишет: «Принцип *imperium* отражал волю к осуществлению на земле порядка и космической гармонии, вечно находящихся под угрозой». Поэтому для Империи характерны мессианизм и сакрализация. Ее историческое задание видится как вселенское и одновременно священное.

Глубокое расхождение между ходом политического процесса в рамках европейских наций-государств и российского бытия как государства-цивилизации иллюстрирует интересное замечание Н.Я. Данилевского. Русский философ задался вопросом: Как обычно совершаются великие события в жизни европейских народов? И ответил на него: зарождается *интерес* либо вследствие каких-то обстоятельств, либо как плод мысли исторического деятеля. Интерес этот представляется партией, и борьба этих партий составляет историческую жизнь как Новой Европы, так и Древних Рима и Греции.

Совершенно иначе разворачивается процесс исторического развития в России, утверждает он. Все великие моменты в жизни страны как бы не имеют предвестников. Происходят чисто внутренние трансформации в глубине народного духа, незримо и неслышимо. Старый порядок перестает удовлетворять народный дух, его недостатки уясняются внутреннему сознанию, смутно передумываются и прочувствуются. Народ ощущает пустоту и внутренне отрешается от того, что подлежит изменению. Он стремится к чему-то лучшему, что удовлетворит его духовную жажду. Борьба происходит в недрах народного сознания. И тогда внешняя перемена осуществляется поразительно быстро, как бы без внешнего противоборства и сопротивления к «совершенному ошеломлению» внешних наблюдателей.

Из этого возникают, по крайней мере, два главных следствия. Первое. Когда появляется лидер, который прожил, прочувствовал это народное требование и выразил в ясной внешней форме, народ признает его за своего и идет за ним безоговорочно. Такова была ситуация с принятием христианства, с победой над поляками после Смуты – эпохи интенсивной глубинной перестройки сознания. Такого лидера мы сегодня называем общенациональным. На поверхностный взгляд, указанный процесс можно квалифицировать как появление вождя, но, по сути, это – духовное слияние лидера и народа, что и подтверждают беспрецедентно высокие рейтинги таких правителей, несмотря на экономический кризис или бытовые неурядицы предшествующих столетий. Более того, такого лидера народ ждет с нетерпением и надеждой на спасение. Другой вывод, который

следует из подобной специфичной диалектики народа и правителя, это огромный перевес, «который принадлежит общенародному элементу над элементом личным, индивидуальным» в поворотные моменты жизни российского общества. Значение бюрократии, элиты, технократии берется в скобки, действия лидера легитимируются прямой массовой поддержкой народного мнения, общенародным фронтом.

В работе М. Жака, упомянутой выше, приводится еще одно замечание, которое показывает отличие европейской ментальности «национального государства» от логики «государства-цивилизации». Автор считает, что европейская теория и практика укладываются в парадигму «одна страна – одна система», поясняя это примером с объединением Германии, когда слияние двух стран произошло на условиях одной из сторон объединения, «на условиях ФРГ». ГДР была поглощена ФРГ, одна система поглотила другую.

Речь фактически идет о том, что европейская логика – это логика либо ассимиляции, либо колонизации. Последний мультикультурный европейский эксперимент, кризис которого разворачивается на наших глазах, является ярким свидетельством такой парадигмы, ибо он был задуман как проект ассимиляции. Предполагалось, что во втором, или, в крайнем случае, в третьем поколении мигранты точно станут французами, немцами и т. д. И, когда мы сегодня говорим о европейском миграционном кризисе, то фактически подразумеваем кризис подобных ожиданий.

М. Жак показывает, что принцип «государства-цивилизации» противоположен идее ассимиляции, поглощения и базируется на идее о том, что те части государства, которые ранее имели другие ценности (или другое социальное устройство), продолжают сохранять эти свои особые ценности. Единственное условие, которое должно соблюдаться, это, чтобы все другие элементы принимали суверенитет ядра, от имени которого осуществляется внешняя политика страны в целом. Именно такая ситуация имела место в Китае в случае с Гонконгом, когда был провозглашен тезис – «одно государство – две системы».

На самом деле, речь идет о логике терпимости – социальной, религиозной, культурной, этнической. Но как раз это и составляет особенность России на всем протяжении ее истории. Л.Н. Гумилев, глубоко исследовавший особенности русского этноса и культуры, отмечал, что русские переселенцы и администрация с первых лет освоения новых пространств легко устанавливали плодотворные контакты с народами Сибири и Дальнего Востока. Противодействие миграции русских было ничтожно. «В целом с установлением власти московского царя, – пишет он, – образ жизни местного населения никак не изменился, потому что никто не пытался его сломать и сделать из аборигенов русских». Они великолепно осознавали уникальность образа жизни народов, с которыми сталкивались, и потому этническое многообразие России продолжало увеличиваться. Освоение огромных территорий осуществлялось не за счет истребления туземцев, а за счет комплиментарных контактов и добровольного перехода под руку московского государя. «Таким образом, колонизация Сибири русскими не была похожа ни на истребление североамериканских индейцев ангlosаксами, ни на работорговлю, осуществлявшуюся французскими и португальскими авантюристами, ни на эксплуатацию яванцев голландскими купцами. А ведь в пору этих «деяний» и ангlosаксы, и французы, и португальцы, и голландцы уже пережили век Просвещения и гордились своей «цивилизованностью». Л.Н. Гумилев пишет, что в этом и состоит реализация принципа *соборности*, который соблюдался совершенно неукоснительно.

Сущность «государства-цивилизации», как свидетельствует М. Жак, связывается с особой ролью, какую играет в нем государство. В Китае оно является гарантом китайской цивилизации. Надо отметить, что процесс этот имеет двуединый характер. С одной стороны, китайцы относятся с глубоким почтением и уважением к своему государству, которое расценивают как покровителя и защитника китайской цивилизации. С другой стороны, государство и его руководители признают свою ответственность за поддержание сплоченности и интегрированности китайской цивилизации. Эти цели определяются как высший политический приоритет и как священно-сакральная задача (буквально «the

sacrosanct task») китайского государства. «В отличие от Запада, где государство рассматривается с достаточной степенью подозрительности, и даже враждебности, где оно представляется как нечто внешнее, как аутсайдер, в Китае государство видится как «свое», очень близкое, как часть семьи, даже, больше, как глава семьи. В этом контексте следует говорить даже не о «нации-государстве», а о «нации-семье», отмечает М. Жак.

Но историческая задача российского государства была логически близкой к изложенному китайскому проекту, хотя одновременно творческой и самобытной. Вл. Соловьев определил эту задачу как *собирательную* («соборную») в отличие от западноевропейского *относительного характера* государства, того самого status. Главной целью российской государственности была и остается проблема созидания культурной, а в отдельные наиболее тяжелые периоды восстановления физической целостности страны. О том, что эта задача до конца не выполнена, и подобные угрозы постоянно воспроизводятся, говорит актуальность слов И.В. Киреевского, который еще в XIX в. написал: «...Теперь даже разделите Россию на такие уделы, на какие она разделена была в XII в., – и завтра же родятся для нее новые татары, если не в Азии, то в Европе».

К сожалению, сегодня в веке уже XXI, мы являемся невольными свидетелями именно такой исторической ситуации. А потому задача нового синтеза для нас является сегодня сверх актуальной, и размышления над значимостью идеи империи и цивилизации становятся ключевыми для выхода из кризиса, в котором оказалась наша страна.

Таким образом, мы видим, что на фоне современной перестройки мировой системы идет активный процесс «определения пределов», который составляет суть цивилизационного процесса. Ясно, что происходит глубокая трансформация современного международного порядка, живущего в ожидании подлинной многополярности, реального равноправия стран и народов, их справедливого сотрудничества, которые должны придти на смену дискредитировавшей себя однополярной гегемонии. Одновременно всемирную значимость обретают новые «старые» цивилизации. Меняется смысл понятия «цивилизации», возникают первые попытки институционального анализа этого феномена, соединения его с государственной институцией. В настоящий момент трудно сказать, насколько адекватным и операциональным для структуры мировой политики окажется такая новая политологическая концепция как «государство-цивилизация». Но для размышлений о грядущем пути и новом выборе России важен сам факт наличия «веера возможностей» новых форм государственности, которые открывает дискуссия о таком оригинальном феномене современности, каким является категория «государства-цивилизации».

ГЛАВА II. БАЗОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА-ЦИВИЛИЗАЦИИ

1. Осознание цивилизационной сущности Российского государства в условиях глобализации – веление времени

В условиях нового этапа глобализации, когда взаимодействие цивилизаций стало носить очень тесный, многосторонний характер, проявились прежде *незамечаемые* противоречия, которые приобретают межцивилизационный оттенок. Перед лицом западной техногенной цивилизации, имеющей более высокий технологический, информационный и экономический потенциал, происходит своего рода «раскрытие», «оголение» иных цивилизаций с риском безоговорочного уничтожения всего предшествующего опыта и вековых традиций. Поэтому им приходится охранять и защищать собственные

многовековые принципы развития и традиции, которые теперь подвергаются сомнению, отрицанию и даже прямой агрессии.

Сегодня наметились процессы, характеризующиеся повышенным интересом народов к своей традиционной культуре, стремлением сохранить свою самобытность, подчеркнутую собственную уникальность. У многих миллионов людей появилось осознание этнической идентичности, поскольку общество испытывает вполне обоснованные опасения за сохранение своей культурно-исторической роли. Смысл подобного интереса состоит в том, чтобы ориентироваться в окружающем мире, задавать общие жизненные ценности, способствовать выживанию большой устойчивой социальной группы. Эти интенции на современном научном языке укладываются в рамки цивилизационного подхода.

Для России важно не просто быть цивилизацией или даже особой цивилизацией, как склонны считать многие исследователи, но и четко осознавать себя как цивилизацию в ее глубинной основе, с ее возможностями и перспективами развития, а также особенностями взаимоотношений с другими цивилизациями. Предпринимавшиеся же в истории России попытки стать частью Запада оборачивались всегда деструктивными последствиями и были для нее самоубийственными. Как пишет В. Кирпичев, «мы всегда рядом с Европой, греемся от нее, но слиться в единое целое нам не дано. Снегурочка нашего континента неизбежно растает в объятиях Запада. Чтобы не стать второсортной страной в мире Первом, нам приходится быть первосортным Вторым миром».

Непонимание этого обстоятельства в постсоветской реальности известный историк А. Фурсов назвал *«неосознанностью происходящего»*, которая вела к концептуальной неопределенности статуса российского государства и соответственно к росту его стратегической неопределенности, а следовательно, к возрастанию угрозы национальной безопасности. И только в последние годы под воздействием стремительно развивающихся международных событий, прямых и жестких вызовов российскому государству общество и его лидеры начинают осознавать масштаб и характер угроз, приходит прозрение и понимание более глубоких причин противостояния.

Подводя итоги 15-летия президентства, В.В. Путин признал, что рассчитывать на кардинальное изменение отношения Запада к России после падения коммунистического режима не было причин, хотя поначалу не все это понимали. «У нас у всех были иллюзии: нам казалось тогда, что после крушения Советского Союза и после того, что Россия добровольно и сознательно пошла на абсолютно исторические ограничения, связанные с отказом от собственной территории, от производственных мощностей и т. д. <...> нам казалось, что с уходом идеологической составляющей, которая разделяла бывший Советский Союз и весь остальной цивилизованный мир, оковы пали и “свобода нас встретит радостно у входа, и братья меч нам отдадут”». Но реальность оказалась совершенно иной. Ее уроки призывают к освобождению общественного сознания от искушения политических иллюзий, которые являются следствием не критического отношения всех элит России последних четырех веков к различного рода западным политическим мифам и игнорирования всех достижений отечественной мысли, касающейся понимания природы и сущности собственной страны.

В настоящее время в российской научной среде предпочтение в анализе социальной реальности отдается цивилизационному подходу, который практически не вызывает сомнения. Принимая во внимание, насколько сложен в современной России «цивилизационный вопрос», осознавая определенные трудности, связанные с недостаточной разработанностью цивилизационной теории, все же следует признать, что эта теория в состоянии описывать природу и сущность различных цивилизаций и обладает наибольшей познавательной ценностью. Не случайно весной 2014 г. в политическом поле России оформился новый политический дискурс, в котором понятие «цивилизация» приобретает ключевое значение.

В самом деле, цивилизационный угол зрения позволяет точнее охарактеризовать и некоторые существенные особенности развития исторической России, и своеобразие ее

эволюции. Он дает также возможность оценить основательность прошлых притязаний России на особый цивилизационный статус, который является экзистенциально и ценностно отличным от Запада. И, что едва ли ни самое главное, помогает понять причину резкого перелома в отношениях с Западом после того, как Россия вступила в начале XXI в. в переходное состояние – от подконтрольного Западу государства к обретению политической независимости и суверенитета.

Однако цивилизационный подход, по мнению некоторых исследователей, вызывает ряд вопросов. Дело в том, что признание доминирующей роли цивилизационного типа идентификации ставит перед исследователем как минимум три вопроса. Первый – обусловлен необходимостью понять, как соотносится цивилизационный подход с классовым, определявшим содержание официальной российской общественно-политической мысли на протяжении целого столетия. Второй связан с выяснением того, что представляла (и представляет) собой Россия – единую цивилизацию или совокупность нескольких. Третий – касается особенностей ее взаимоотношений с другими цивилизациями, прежде всего с Западом.

Что касается первого вопроса, то причина снижения актуальности классового подхода состоит в том, что классовый подход, в основе которого находится принцип экономического детерминизма, продемонстрировал к концу XX в. свою недостаточность. Он не учитывал всей совокупности существующих в обществе связей, всех срезов его дифференциации и прежде всего духовно-культурных, национальных и культурных особенностей, т. е. отсутствовало цивилизационно-антропологическое измерение, которое приобретает все более широкое и высокое звучание, наполняясь ценностным содержанием. Теоретически значимым и политически острым представляется второй вопрос: является ли Россия единой цивилизацией или совокупностью нескольких. Ряд исследователей склонны считать, что события 1990-х гг. в России узаконили соседство на одной территории славянско-православной и тюрко-мусульманской цивилизаций. Признание этого ставит под вопрос научную обоснованность попыток представить основой культурно-исторической идентичности народов Российской Федерации единую «русскую цивилизацию». Поэтому многие исследователи в качестве одного из промежуточных выводов склонны признать наличие доминирующего культурно-исторического типа – русской (православной) цивилизации, которая во взаимодействии с представителями других цивилизаций, прежде всего исламской, образует все многообразие российского суперэтноса.

Таким образом, основой цивилизационной идентичности России является идея сотрудничества русской цивилизации как исторического стержня российской государственности с цивилизациями других традиционных конфессий, прежде всего с исламом. Речь идет о взаимодействии народов России в рамках особого типа культурно-исторической общности, образуемой объединением вокруг русского народа и созданной им цивилизации, ценности которой в целом близки другим этноконфессиональным группам. Третий вопрос касается понимания основной проблемы и сути взаимоотношений с Западом. Здесь необходимо прежде всего учитывать важное различие между русской и западными цивилизациями. Об этом писали многие отечественные и западные мыслители. И. Солоневич, например, видел эту разницу в том, что наша история показывает, как человеческий дух покоряет материю, американская – как материя подавляет дух. Совокупный западный мир, включающий европейскую и северо-американскую цивилизации, отечественный исследователь В. Лепехин называет «цивилизацией интересов», поскольку их культы, символы, ритуалы, традиции и, как следствие, менталитет связаны больше с понятиями «выгода» и «интерес», чем с понятиями «честь» или «совесть». Не случайно А. Тойнби был склонен исключать эпитет «западно-христианская» из титула евро-атлантической цивилизации и предпочитал говорить просто о «западном обществе».

Различие между западной и российской цивилизациями проистекает не из религиозного источника (разные ветви христианской религии), а идет скорее от этнографического материала (антропологического фактора), что в конечном счете определяет цели цивилизации. Крещение русского народа легло на определенные качества, определенный душевный и эмоционально-психологический состав, сформированный еще во времена язычества. Именно этот состав определяет содержание «загадочной русской души». При изучении русского варианта христианства – православия обнаруживается, что многие его ключевые понятия во всех сферах религиозного познания ведут свое происхождение из славянского язычества, где они формировались на протяжении тысяч лет. По наблюдению немецкого философа В. Шубарта, русские, в сущности, были христианами еще до обращения в христианство. Религия лишь окультуривает и закрепляет сложившиеся на основе антропологических типов стереотипы поведения народов, которые обладают определенной устойчивостью. Фактически, ту же самую мысль, но в несколько другой терминологии В. Шубарт высказал в книге «Европа и душа Востока», в которой он выделил два типа человека: *прометеевского*, героического и *иоанновского*, мессианского. Первый характерен для западной цивилизации, им движет идея власти над миром, над материей и ее силами; человек утверждается мерой всех вещей и господином мира. Второй, по мысли Шубарта, свойствен больше славянам, и прежде всего русским. Их заветное внутреннее чаяние – освятить, одухотворить материю, воплотить в мире идеал целостности и преображения.

Об отличии России от Запада упоминает и О. Шпенглер практически во всех своих произведениях. Для него это **не различие двух народов, а двух миров**: «Тут обнаруживается вечная, но до сих пор мало привлекавшая к себе внимание граница, дальше которой мы не в состоянии иметь действительное общение с чуждыми нам индивидуальностями и правильно понимать проявления их жизни». Разницу между русским и западным духом, считает он, необходимо подчеркивать самым решительным образом. Как бы глубоко ни было душевное и, следовательно, религиозное, политическое и хозяйственное противоречие между англичанами, немцами, американцами и французами, но перед русским началом они немедленно смыкаются в один замкнутый мир.

Данилевский как основатель теории культурно-исторических типов, на несколько десятилетий опередившим в этом западную науку в лице ее видных представителей – О. Шпенглера и А. Тойнби, показывает своеобразие и отличие русской цивилизации от европейской. Он утверждает, что Россия «не питалась ни одним из тех корней, которыми всасывала Европа как благотворные, так и вредоносные соки непосредственно из почвы ею же разрушенного древнего мира, – не питалась и теми корнями, которые почерпали пищу из глубины германского духа». В силу иных истоков она «не причастна ни европейскому добру, ни европейскому злу»; как же может она принадлежать к Европе? Ни истинная скромность, ни истинная гордость не позволяют России считаться Европой». Россия, по Данилевскому, представляет самостоятельный культурно-исторический тип, не сводимый ни к одному из бывших и нынешних.

Исторически значимые факты для доказательства отличия русской цивилизации от западной можно извлечь также из русского языка и старинных сказок, поверий, удерживающих далекую древность, ибо язык артикулирует исторический опыт общения с миром. Как отмечает известный ученый-филолог Т.А. Миронова, характер, привычки, убеждения, обычаи и представления создают особенные свойства каждого народа, они зримы и ощутимы. Эти особенные свойства закрепляются в языке и задаются человеку его родным языком. Стало быть, поведение человека зависит от его языковой картины мира, а она хранится в генетической памяти. Именно на этих механизмах основаны национальные стереотипы поведения, культурные сценарии, по которым живут и действуют народы и этносы.

Убедительный пример этого дает наше представление о войне, которое в корне отличается от понятия войны в других языках. По-английски слово *война* происходит от глагола *ware*,

что значит «торговать», и английские войны велись и ведутся ради торговли и барышей, это войны ради прибылей. По-немецки слово *война* – *der Krieg* происходит от глагола, означающего *добывать, захватывать*. Германские народы воевали ради захвата чужих территорий.

Такой подход лишь обнажает то, что заложено в самой природе западной цивилизации, помогая разглядеть под экономическими и геополитическими интересами, во многом детерминирующими исторический процесс, более глубокую основу, имеющую антропологическую природу.

Однако возникает закономерный вопрос: если интересы Запада и наши в большинстве случаев прямо противоположны, то как нам следует поступать? Убедительный ответ на этот вопрос дал опять же Данилевский: «Из этого, однако, еще не следует, чтобы мы могли или должны были прервать всякие сношения с Европой, оградить себя от нее Китайской стеной; это не только невозможно, но было бы даже вредно, если и было бы возможно. Всякого рода сношения наши с нею неизбежно должны быть близкие; они только не должны быть интимными, родственными, душевными. В политическом отношении не может быть другого правила, как око за око, зуб за зуб, – отмеривание тою же мерой, которою нам мерят. Но если невозможно и вредно устранить себя от европейских дел, то весьма возможно, полезно и даже необходимо смотреть на эти дела всегда и постоянно с нашей особой, русской точки зрения». Именно такой линии и придерживается сегодня Президент РФ В. Путин в своей внешней политике, который провозгласил защиту национальных интересов России основой ее стратегии.

2. Российское государство-цивилизация

Из ясного и четкого осознания факта геополитической и ценностной нетождественности российской и западной цивилизации вытекает необходимость жить по своим собственным законам, сохранять собственное достоинство и не пытаться втиснуться в прокрустово ложе чужих представлений и чужого исторического опыта. Это означает также необходимость качественно изменить основные подходы в самоопределении и самоидентификации российского государства и перейти от провозглашенного в 1990-е гг. концепта «национального государства», который доминировал до 2012 г., к дальнейшей разработке появившейся в теоретическом и политическом поле понятия «государство-цивилизация».

Позиционирование России в качестве самостоятельного центра влияния, концептуально оформленного в виде государства-цивилизации в меняющейся структуре мирового порядка является наиболее перспективным. Оно является также свидетельством отхода от определенного застоя в отечественной теории государства, сформировавшейся под сильнейшим воздействием западноевропейской политической мысли. Если обратиться к существующим отечественным словарям и энциклопедиям в поисках определения государства-цивилизации, то его не обнаружим, поскольку под таким углом зрения Российское государство до сих пор не рассматривалось. Однако в новейших теоретических разработках такое определение присутствует и оно свидетельствует о том, что русско-российское государство-цивилизация в значительной мере ему соответствует. Согласно этому определению, «государство-цивилизация – большое многонациональное государство, объединенное не по принципу этнического родства, а по принципу общей религии или идеологии, комплементарности культур, схожего геополитического положения, наконец, общей исторической судьбы».

Данное определение не является искусственным и конъюнктурным, ибо история существования России во всех ее формах свидетельствует о том, что она, по сути, всегда была государством-цивилизацией, хотя и не определялась подобным образом в силу доминирования других теоретических подходов. Прежде всего речь идет о квалификации Российского государства как империи. Это понятие, пришедшее с Запада, употреблялось для политически-правовой характеристики России в эпоху Петра I после принятия им титула императора. Однако Российское государство было не «лоскутной» колониальной

империей, а представляло органически единое геополитическое, экономическое и культурное пространство.

Советский Союз (официальное название – держава) называли империей в силу инерции политического мышления, а также по факту имеющихся государственно-правовых признаков. Если сравнивать определение Российского государства-цивилизации с характеристиками Российской империи, то обнаружим их большое сходство – и то и другое обладают многими общими элементами и признаками. Оба представляют собой исторический организм или исторически-культурный тип, то есть «такую общность наций и народов, которая занимает определенный географический ареал, «часть света», имеет общую историю, традиции, организацию быта, менталитет, социально-нравственные ценности и установки, образ жизни и, тем самым, принадлежит к единой исторически сложившейся культуре и в ней существует». Иными словами, между российским пониманием (и практикой) империи и концептом «государство-цивилизации» нет существенных, сколь-нибудь значимых различий.

Однако если сравнивать российскую империю (государство-цивилизация) и «классические» западные империи, то здесь обнаруживаются принципиальные различия. Они коренятся как в способе их образования – преимущественно через завоевания и насилие, так и по своему целеполаганию, которое состоит в установлении мирового господства или лидерства. США, например, с момента своего образования идентифицировали себя не только как республика и федерация, но и как империя. А. Гамильтон – один из отцов-основателей США, говорил о них как «во многих отношениях самой интересной в мире империи». Позднее первый президент США Дж. Вашингтон говорит о них как «о всеохватывающей империи». После победы в «холодной войне» и распада СССР США еще в большей степени демонстрируют идеологическое мышление и политическое поведение в духе классической империи, проводя гегемонистскую политику с использованием вооруженных сил на всех материках и океанах. В результате возник новый глобальный порядок, который и квалифицируется часто как империя. Соответственно, от такого «классического» универсального понимания империи необходимо отмежеваться как несоответствующего ни духу, ни практике российского понимания империи. Поэтому понятие государство-цивилизации здесь является своевременной и адекватной заменой.

Относительно современной России можно сказать, что она пусть и в уменьшенном виде, но также соответствует почти всем признакам государства-цивилизации. При этом необходимо обратить внимание и на ее нынешние трудности и проблемы. Прежде всего не стоит забывать, что современная Россия еще со времен Петра Великого по-прежнему является, если использовать терминологию Хантингтона, «разорванной» страной. Это значит, что она имела «у себя одну господствующую культуру, которая соотносит ее с одной цивилизацией, но ее лидеры стремятся к другой цивилизации».

Современную Россию вполне можно признать «разорванной» страной: реально российская элита живет в западной системе ценностей и имеет соответствующий образ и стиль жизни, а большинство населения существует в российской системе исторических и духовных координат. Это проявилось в проекте России как национального государства, который пытались осуществить в 1990-е гг. В результате «Российская Федерация сама создала разрушающий ее вакуум легитимности, определив себя не как исторического преемника СССР и всех предшествующих форм российской государственности, а как новое государство-нацию». Соответственно этой модели, действующая Конституция РФ создавалась в перспективе возможной ее интеграции в некий (скорее всего, европейский) надгосударственный проект и заведомо предполагала отчуждаемость суверенитета, о чем свидетельствует не только принцип верховенства международного права над конституционным (ст. 15, часть 3), но и специальная статья (ст. 79), предусматривающая возможность передачи государством части своих полномочий в пользу межгосударственных объединений.

В рамках этой модели суверенитет Российского государства не просто ограничен, но носит условный характер, так как Россия не входит в ядро западного цивилизационного проекта и не является естественным продуктом западной истории и социальной среды. Поэтому формой существования РФ как государства-нации является постоянная борьба за пролонгацию его признания со стороны неоимперского центра цивилизации, именуемого мировым сообществом, которое и становится действительным источником его легитимности. И такое положение есть не следствие слабости отдельных правителей страны, а результат ее государственно-правового позиционирования.

Однако устойчивого воспроизводства легитимности государства этот источник не обеспечивает, поскольку развитие мирового сообщества как системы в условиях нового этапа глобализации предполагает перераспределение власти и политического капитала с государственного на транснациональный уровень. «В этом смысле, – пишет М. Ремизов, – становление РФ как стандартного государства-нации (нормальной страны, на языке неозападников) просто исторически невозможно: базовое условие проекта выступает базовым фактором его разрушения». Таким образом, процесс транснационализации власти ставит крест на независимой модели государственного строительства.

Неприменимость государства-нации для России есть даже не следствие специфики российской цивилизации. Это общее место для всех цивилизаций мира, исключая, конечно, европейскую. Во многих регионах мира, кроме Западной Европы, органическим институтом является не государство-нация, а государство-цивилизация. А если учесть, что РФ остается к тому же государством без государствообразующей общности, то она оказывается заведомо номинальным образованием, испытывающем дефицит субъектности и существующем в рамках инерции распавшейся имперской структуры. Именно поэтому Россия не имела вплоть до последнего времени своего лица. Такому государству не на что было опереться в своей истории и нечего предложить миру. Неслучайным стало для нее во многом совершенно новое явление – все большая напряженность в межнациональных отношениях, хотя большинство жителей хорошо помнит совсем не отдаленное время прочного межнационального согласия, которое строилось на несомненной объединительной миссии именно русской культуры.

Особенность России состоит в том, что это единственная в мире государственность, которая на протяжении столетий осуществляет управление развивающейся в её границах многоликой цивилизацией как единым целым. И каждый народ, входивший в русско-российскую цивилизацию, не только сохранил самобытность, но и обогащал свою культуру путем взаимодействия с другими культурами. То есть **Россия – это не просто государство, а именно государство–цивилизация**. В этом заключается ее «тайна», которая *«веками непонятна чужеземным мудрецам»*.

Но такое положение вещей долгое время оставалось тайной также и для самой России, вернее, не то чтобы тайной, а скорее *неосознанностью происходящего*, о чем речь шла в начале главы. Ее причина кроется в несоответствии между определенностью, значительностью, даже грандиозностью внешних форм общенациональной государственности и какой-то внутренней незавершенностью, незрелостью общественного сознания. Это происходит от того, что внешне Россия пытается быть, как все «цивилизованные» нации: сильной, богатой, уверенной в себе, а природа-то ее метафизическая и идеократическая со смутной устремленностью к областям, лежащими за прямым, осязаемым и видимым опытом человека. Исходя из особенностей русско-российской цивилизации можно утверждать, что главная тайна русско-российского государства-цивилизации – это трансцендентная обусловленность социальной энергии народа, которая всегда рождается из присутствия высокой, большой идеи.

Сложная современная международная обстановка является мощным стимулом для того, чтобы глубже понять природу своего государства, начать процесс импортозамещения не только в экономике, но самое главное – в головах людей, в их осознании своих цивилизационных основ, понимании себя и соответственно движения в правильном

направлении. Свидетельством этого и стало выдвижение в исследованиях ученых такого теоретического конструкта как государство-цивилизация, ставшего, по-видимому, одним из катализаторов появления в Послании Президента России Федеральному Собранию РФ в декабре 2012 г. словосочетания «Россия – государство-цивилизация».

Еще более определенно Президент РФ высказался на заседании Валдайского клуба 19 сентября 2013 г.: «Именно из модели государства-цивилизации вытекают особенности нашего государственного устройства». Эту мысль поддержал и Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл, выступая 31 октября 2013 г. на XVII Всемирном Русском Народном Соборе. Он отметил: «Россия – страна-цивилизация со своим собственным набором ценностей, своими закономерностями общественного развития, своей моделью социума и государства, своей системой исторических и духовных координат».

Данная констатация в действительности есть всего лишь восстановление в исторической памяти народа и в общественном сознании страны того факта, что Россия всегда была государством-цивилизацией, но которая обозначалась в терминологии того времени либо как империя, либо принимала форму СССР. Она основывалась на сохранении русской культурной доминанты, носителем которой выступали не только этнические русские, но и все носители такой идентичности независимо от национальной принадлежности. Этот путь был и остается сегодня достаточно эффективным и продуктивным.

В условиях нового этапа глобализации важно обосновать законное положение и статус России как государства-цивилизации. А для этого ей необходимо восстановить свою *идентичность* в истории, т. е. показать, что в любую эпоху на огромном евразийском пространстве в ее государственном строительстве действовали мощные формообразующие силы, исходящие из источника глубинной российской метафизики, ее цивилизационной сущности. Иными словами, созидалась именно та форма государства, которая пробивала себе дорогу в России через века и сложилась именно как государство-цивилизация. Такое устройство как особый тип коллективного свершения стало плодом тысячелетнего исторического творчества народа: огромное количество жертв, жизней, самоотверженности, труда, таланта вложено в его строительство. Идее государства, вырастающей из самой цивилизации, не могла помешать даже революция 1917 г., явившаяся с лозунгами разрушения традиционных государственных институтов, упразднения границ, с идеалами интернационализма. А в конечном счете все обернулось созданием такого мощного государства, какого вообще не знала история России.

На этом основании ряд современных исследователей обратились к разработке концепции русско-российского государства-цивилизации. Опираясь на четкое и недвусмысленное понимание цивилизационной специфики России, они сформулировали очень важные идеи и определили концептуальные основания для объяснения того, почему именно сильное государство всегда оказывалось решающим для успешного развития российской цивилизации. Находясь в суровых природно-климатических условиях и при постоянном военном давлении со стороны агрессивных геополитических соседей, русский этнос мог выжить только при наличии сильной центральной власти, аккумулирующей имеющиеся ресурсы для противостояния внешним угрозам. Как следствие, имело место подчинение целей внутреннего развития целям обороны с характерным усилением государства, вертикального управления. В силу огромной роли государства в формировании Российской цивилизации, качество государственного управления всегда было более значимо, чем где бы то ни было.

Факторы духовного порядка, столь важные для русско-российской цивилизации, дополнялись мерами практического устройства государства, благодаря которым Россия на протяжении истории выработала свой уникальный способ сохранения цивилизации, выделяющий ее в отдельную цивилизацию-государство. Речь идет о богатом историческом опыте снижения внутренней конфликтности, обеспечения единства социума с помощью особых административных мер, которые предполагали передачу части важных полномочий на верхний, княжеский, уровень. При этом другая часть оставалась за народами,

вошедшими в Российскую империю. Такой же способ сохранялся в СССР, он существует и сейчас в виде вертикали власти. Тем самым Российское государство – цивилизация, призванное быть сильным и ответственным, несмотря на все политические перипетии, не распалось на обособленные общественные и государственные структуры.

Россия, имея тысячелетний опыт управления огромными территориями, которые она объединила в единое цивилизационное пространство на основе общей истории, языка и культуры, представляла как государство, где сильная центральная власть – это не только благо, но и жизненная необходимость. Поэтому страна имела и крепкие внутренние административные узы, восходящие различными путями к центральному административному аппарату.

В современном мире, как показывает политическая практика, государство-цивилизация наиболее эффективная форма противостояния глобальным вызовам и угрозам. Воссоединение Крыма с Россией и события на Украине показывают, что цивилизационная идея реально работает. Идея России как государства-цивилизации исторически присуща России, она и есть, по сути, та «волшебная формула», та искомая модель обустройства Российской Федерации, которая способна, с одной стороны, объединить российские народы, с другой – дать им опору в период фундаментальных изменений в глобальном балансе мировых «центров силы». На основании вышеизложенного можно утверждать, что условием выхода из кризиса Российского государства-цивилизации является осознание своей цивилизационной сущности и вытекающей отсюда стратегии развития.

На специфическом философско-политическом языке это осмысливается в рамках понятия идентичности. Если обратиться к Европе, то можно увидеть, что идентичность была обеспечена там установкой на полную архивацию и длительное сохранение культурных норм и образцов древнеримской цивилизации, что позволило Европе произвести то, что теперь называется Возрождением. Без этого Возрождение в Европе было бы невозможным. Что касается России, то у нее не может быть простой идентичности, она – внутренне многомерна. Ей свойственна исторически и культурно обусловленная полифоничность. В условиях кризисов, которые не раз случались в истории России, проблема идентификации часто выходила на первый план исторического самоопределения и разрешалась под угрозой существования самих устоев государства. Однако путем реконструкции и присвоения огромного исторического опыта российская идентификация в конечном итоге успешно осуществлялась, несмотря на смену политических режимов – будь то царский, имперский, социалистический или капиталистический. В конечном счете преодолевался разрыв времен и восстанавливалась непрерывность исторического бытия, которая обеспечивалась за счет базовых характеристик исторической России.

3. Пространственная парадигма России

Эти базовые характеристики можно обнаружить, если оглянуться далеко назад, обратиться к истокам бытия русского народа, основавшего русское, а затем российское государство. В подобном мысленном обращении к туманной дали прошлого кроется много проблем теоретико-методологического и современного политическо-практического плана. Потребность в таком подходе проистекает из осознания необходимости осваивать не только рациональное, но и иррациональное, опыт которого древнее и богаче рационального. Но осваивать его приходится заново, открывая прочно забытое и обнаруживая доселе неведомое. Господство физических моделей бытия скрыло от нас тот факт, что человек имел когда-то совсем другие пространственно-временные представления. Они, как показывают современные научные исследования, содержали в себе глубокие интуитивные догадки и прозрения, истинность которых, конечно, уже на ином фактическом и концептуальном материале, наука подтверждает только сегодня. Как это ни парадоксально, но архаический взгляд на пространственно-временные отношения глубже, интереснее и эвристичнее для современного научного дискурса, нежели механистические научные модели пространства и времени, которые подвержены более резким и быстрым

изменениям, чем общефилософские или даже мифические представления о мире. Воспринятая на бытовом уровне ньютоновская концепция однородного пустого пространства, которое служит вместилищем для физических тел, далека как от взглядов релятивистской физики, так и от мифолого-религиозной модели.

Понятие пространства активно вошло в лексикон современного человечества, знаменуя собой тот исторический факт, что человечество устало от своей устремленности к совершенному общественному состоянию, постоянных социальных трансформаций, свойственных обществам с ярко выраженной временной доминантой. У человека появилась потребность относиться к действительности как в целом устоявшейся, не требующей радикальных, революционных изменений. В этой ситуации малоизученные особенности русского духа в условиях актуального переосмысления экономического, политического, нравственного и другого опыта российской истории могут содержать важные эвристики для понимания данной темы.

«Пространство» сегодня широко употребляется прежде всего как геополитическое понятие. Термин «пространство» в геополитике имеет особую смысловую нагрузку. Геополитическое пространство не синоним территории. Оно значительно шире *территории* и прямо отражает потенциал соответствующего государства, но тем не менее не объясняет природы и сущности русско-российского государства.

Что касается философии, то пространство и время в силу своей принципиальной значимости для человека с самого начала метафизических (и прежде всего онтологических) исканий оказываются на первом плане. Они остаются в центре философского внимания и до сих пор, но при этом не приобрели сегодня сколь-нибудь законченный вид. Сложности в понимании категории пространства и времени придают данной проблеме комплексный характер и вынуждают философию опираться на весь комплекс наук (а не только одной физики). Многоаспектное содержание категорий пространства и времени и не утихающие вокруг этого научные и философско-онтологические споры свидетельствуют о глубоком укоренении сегодняшних философских представлений о бытии в толще всей человеческой культуры, включая ее как рациональные, так и внерациональные компоненты.

От общей констатации значимости категории пространства перейдем к аксиоме, которая, несмотря на свою широкую известность, так и осталась неотрафлексированной, скрывающей в себе всю разгадку прошлого и будущего нашего государства (Российской империи, СССР, РФ). Согласно этой аксиоме, *вся история русского народа прошла под знаком освоения огромного пространства*. Справедливость и очевидность этой аксиомы привычно усматривается в обретении огромной территории, которую заняла Россия в ходе своей истории.

Но сразу возникает вопрос: а в чем причина такого явления, почему это русский народ не только озаботился освоением огромной территории, но и сумел ее в основном удержать? Определенный свет на этот вопрос проливает цивилизационная антропология, которая рассматривает психологию русского народа как фактор российской истории. Однако здесь обнаруживается, что вопрос об особенностях национального психологического склада – один из самых сложных и мало разработанных, несмотря на то, что в литературе можно встретить множество его психологических характеристик, как положительных, так и отрицательных. На самом деле, как пишет Ю.И. Сидоренко, понять, что такое психология русского человека, точнее, психологию «русскости» очень сложно. «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить, у ней особенная стать, в Россию можно только верить. Это глубокая мысль поэта-философа Ф. Тютчева стала для многих расхожим объяснением “загадочной русской души”, того вселенского чуда или, по мнению некоторых (начиная с П. Чаадаева), некоего абсурда, который являет собой Россия в мировом пространстве». В национальном бытии русских есть некая недоступная иррациональная тайна. Несмотря на правильную констатацию отдельных сторон психологического облика русского человека, не улавливалось главное – его изначальное исконное антропологическое самоощущение. «Русский человек всегда чувствует себя частью чего-то большего, чем он

сам. Русский психологически, духовно “присутствует” не только “внутри себя”, как “западник” (например, немец, француз, англичанин), а и “вне себя”. Центр его духовного существования – вне его». В силу этой своей базисной психологии самому себя русскому всегда не хватает.

Особенные черты русского народа зарождались в глубине веков и даже тысячелетий, исторически генерировались сакральными мотивами, оказывающими воздействие на картину мира. В основе мифологической картины мира русских лежало пространство, которое никогда не рассматривалось как чистая, пустая форма. Оно трактовалось не как физическая характеристика бытия, а как своеобразное космическое место, которое было одухотворено и разнородно. Это не хаос и не пустота. Это живое, пульсирующее и упорядочивающее мир начало. Это некоторая причина, из которой далее будут возникать различные свойства бытия. Оно предстает как великая таинственная сила, определяющая жизнь не только простых смертных, но и жизнь бессмертных богов. Неведомая скрытая метафизическая родина, которая рождается в Духе, заставляет русского человека перманентно трансцендировать, т. е. выходить за пределы заданных природных условий жизни, за пределы данной ойкумены. Там у предела могут открыться иные горизонты, иные мысли, иные жизненные возможности. В рамках родового существования русского человека внешняя природа есть ничто иное как экстернизация его внутренней метафизической природы, его понимания пространства как Духа. Соответственно этому практические действия русского человека формировались в русле двух взаимно обусловленных тенденций – объективации субъективности и субъективации объективности. Восприятие вещественного простираемого объектов лишь в системе декартовых координат не в состоянии объяснить истинного побудительного мотива внешне наблюдаемой экспансии русских. Никакие прагматические, экономические обстоятельства не могли придать русскому движению вперед и вширь характер некоего трансцендентного задания, которое осмысливалось на полурациональном уровне. Пространство мыслилось не как условие жизни, а как такое «небытие» или «недобытие», которое содержит возможность реализации бытия.

При этом не просто освоение огромной территории, а именно мирное освоение было производным сначала от мифологического, а затем от религиозно-этического понимания пространства, которое воспринималось русскими на протяжении веков как некое задание, как воля исторического рока. Эта территория превращалась в экстернизированное пространство, овеянное субъективным переживанием космического пространства. В результате территория преобразовалась впоследствии в нечто качественно иное, она обогащалась многочисленными экономическими, социокультурными, коммуникационными и конфессиональными связями, которые пронизывали ее во всех возможных направлениях и придавали этой территории особый метафизический смысл. Она стягивалась в единое целое и преобразовывалась в многомерное пространство человеческого мира, состоящее из разных фрагментов с крайне неравноценными условиями проживания, иногда стремящихся «разбежаться», но снова тяготеющие к единству, к строительству своего «универсума». Русские находили нетривиальные способы созидания этого пространства.

Осуществленное пространство включает в себя более богатое и глубокое смысловое содержание, которое используется не только для описания природного мира, но и мира человека, мира его взаимодействий и культуры. Становление такого пространства можно схематично представить как специфическую реальность, конституируемую человеком, отношениями с другими людьми, его действиями и мировоззренческими представлениями. Смысл и возможности пространства взаимообусловлены и задаются его метафизическим планом.

Это представление о пространстве в определенном смысле соотносимо с холистскими взглядами на государство, трактующими его как некое Целое, которое всегда больше своих частей и определяет особенности их отношений. По большому счету, положение человека

в социально-природном мире зависит от Целого, от сверхреальности, а не действий самого человека, которые часто имеют дорефлексивный характер. Л.Н. Гумилев нечто подобное выразил в следующих словах: «Но мера влияния человека на историю вовсе не так велика, как принято думать, ибо на популяционном уровне история регулируется не социальными импульсами сознания, а биосферными импульсами пассионарности».

Размышляя о пространстве, необходимо говорить и о времени, так как пространство и время неотделимы, хотя все же они не равнозначны. Исходным между ними является пространство, которое в русском восприятии мира было доминирующим. Пространство доминировало над временем, в нем действовали законы циклического, а не линейного времени, которое господствовало в западных странах. Это многомерное, неоднородное пространство имело власть не только над временем, но и над душой человека. Н. Бердяев говорил о «власти пространства над русской душой», которое запечатлелось в его психотипе.

Такое пространство формировало своеобразную цивилизацию и выкристаллизовывало из себя не совсем обычное государство, которое можно сравнить с домом, строительство которого начинается не с фундамента, а с крыши, т. е. с иерархии ценностей. В подобном государстве-доме низшие уровни основываются на высших и держатся притяжением, обратном земному. Иными словами, речь идет об идеократичности российского государства, которая достаточно хорошо освящена в литературе. Многие в жизни русского государства существовало на полурациональном уровне, приспосабливаясь к особенностям пространства, к потребностям живой практики. Это пространство самодостаточно, имело все необходимые ресурсы и способность к развитию. Природные, политические, экономические, социокультурные и конфессиональные взаимодействия, накладываясь друг на друга, образуют зоны интенсивных взаимодействий, которые могут служить стратегическим ресурсом социально-экономического развития. Для России ее пространство в современном виде – это и зона формирования евразийского суперэтнуса, и зона длительного сосуществования и сотрудничества народов леса и степи, причем разнообразие ландшафтов было импульсом развития. Недаром сейчас много и справедливо говорится о некоторых фактах утраты единого экономического, военно-стратегического, информационного, экологического пространства и высказываются негативные выводы.

Пространственная парадигма знаменует собой синхронический подход к реальности, который означает, что Россия всегда в любую эпоху ее существования представлена в виде некоторого множества сосуществующих и взаимодействующих территорий, населенных разными этносами. Изучение их актуального сосуществования и взаимодействия, выявление специфики их жизнедеятельности и поиск оснований для совместного неконфликтного существования, является главной заботой государства. Именно синхронический подход является главным принципом «автаркии больших пространств» (выражение Фридриха Листа).

В противоположность этому ориентация на время свойственна атлантическим моделям (монохронным культурам – США, Германия Великобритания, скандинавские страны). Страны, ориентированные на монохронический подход уделяют больше внимания времени, срокам и расписанию. Время для них – это прямолинейный путь, который ведет из прошлого в будущее. Доминирование линейного, техногенного времени способствовало развитию динамичной и агрессивной системы капиталистических отношений, стремительному научно-техническому прогрессу и обновлению быта. Наиболее ярко отношение ко времени как к исключительной ценности и особо значимому ресурсу проявляется в американской культуре. Соответствующим образом развивается научное и быденное мировоззрение. В результате в современности восторжествовал образ времени-потока, времени – расписания, учитывающего скорость движения (которое можно убыстрить по своей воле) и прибытие в конечный пункт. В философском плане к тому же результату приводят вульгарные представления о пути к счастливому будущему в царство разума и прогресса, словно общество движется по железной или шоссейной дороге.

В рамках Российского социума всегда существовали различные общественно-экономические уклады, которые жили в разных социальных временах, и государство всякий раз должно было прикладывать усилия для их согласования. В результате временная реальность российского социума приобретала чрезвычайно сложную структуру. Общество, пребывающее в таком состоянии, теряет временную определенность и представляет собой конгломерат исторически и культурно разновременных форм бытия. Именно в условиях неодновременности могут возникать разрывы социальных связей между субъектами, опасность которых возникает часто как следствие некритичного заимствования социальных форм чужой культуры.

Россия со времен Петра, забыв о доминирующем значении пространства, устремилась в погоню за чужим доминантным временем со всеми вытекающими отсюда последствиями. Догонять стало ее роковой судьбой. Чем больше Россия стремилась догонять чужое время и связанные с ним чужие достижения, что приносило порой впечатляющий, но временный успех, тем больше подрывала глубинные основы своего бытия. В результате возникала еще большая отсталость, т. е. получался замкнутый круг.

Непонимание сущности пространственной парадигмы, ее игнорирование не позволяли российским политикам и некоторым аналитикам понять то общество, в котором мы жили раньше, живем сейчас и – самое главное – будем жить в будущем. Доминирование пространства над временем требует более точного и глубокого понимания особой значимости государства, а также иного подхода к оценке результатов его деятельности, осуществляющегося в рамках этого пространства. Доминирование пространства означает, что можно добиться в его пределах значительного внутреннего развития и обеспечения достойной и мирной жизни входящих в её состав больших и малых народов.

Мощь и давление российского пространства с его неимоверными богатствами и естественным разнообразием формируют государство-цивилизацию, тяготеющее к самодостаточности, которая выражается в понятии автаркии. Цивилизационный подход, учитывающий пространственную парадигму, означает, что это государство способно к автаркической экономике в любое время. Пространственная парадигма предполагает автаркию, но автаркия не означает застой и самоизоляцию. Напротив, автаркические модели могут рассматриваться как элемент развития на основе раскрытия своего внутреннего потенциала. Автаркическая экономика растет изнутри и во внутрь, но при этом сохраняются внешние торговые связи, и в этом смысле она не является абсолютной. Негативные оценки автаркии лежат в области метафизики: критикуя автаркию, отрицают пространство и выбирают время. Автаркия же дает возможность устойчивого существования экономической, социальной, экологической и других систем за счет внутренних ресурсов. Наиболее четко в современной политической теории принцип автаркии и связанный с ним «закон пространственной прогрессии» сформировал в Европе – и для Европы бельгийский геополитик Жан Тириар: «от городов-государств через государства-территории к государствам-континентам». В России и для России – Александр Дугин («Основы геополитики»). Как Тириар, так и Дугин следуют в конечном счете за уже упоминавшимся выдающимся немецким экономистом XIX в. Фридрихом Листом. Согласно Листу «автаркия больших пространств» связывает экономическое развитие с территориальным и демографическим фактором. Евразийцы (князь Н. Трубецкой и П. Савицкий) дополнили все это еще более широким понятием «месторазвития».

Перестройка, которая в своей глубинной сути должна была осуществить слом пространственной парадигмы, не удалась. По сути, все как было, так и осталось – в этом обнаружилось давление и мощь пространства, которое выступает под разными именами – царская Россия, Российская империя, СССР, РФ и проявляется своей склонностью к автаркии. Даже когда Россия пытается уйти от автаркии, она никуда от нее не уходит. Она не ушла от нее ни в 1861-м, ни в 1917-м, ни в 1991-м. Эту склонность к автаркии К.Н. Леонтьев назвал «деспотизмом внутренней идеи». Ее нельзя отменить, и если Россия сама попытается от нее отказаться, ее будут навязывать геополитические конкуренты,

оказывая внешнее давление: введение экономических санкций и т. д. По существу, восстановление России через укрепление автаркических тенденций уже началось. Оно прошло через Мюнхенскую речь Владимира Путина, но началось со второй чеченской войны, как полагают некоторые авторы. Однако автаркия как абсолютный экономический суверенитет в глобальной экономике XXI в. недостижим, поскольку взаимодействие между странами и торговые связи стали очень тесными.

Когда Россия совершает действия, противоречащие принципу пространственной парадигмы, например, объявляет себя национальным государством, она закономерно впадает в кризис. И наоборот, когда действия России идут в русле пространственной парадигмы и соответствуют её роли государства-цивилизации, Россия укрепляется, а народы, входящие в нее, живут между собой не только в мире, но и в достатке. Этот вывод имеет большое значение для всех сфер деятельности государства-цивилизации, особенно для экономической.

4. Пространство как детерминанта социально-экономического строя России

На основе пространственной парадигмы, охватывающей собой все разнообразие природных, социальных и коммуникационных взаимодействий и способствующих кристаллизации коллективной воли, в России сформировался и соответствующий менталитет, который иногда условно обозначают в виде формулы «мы-я», где «мы» преобладает над «я». Природно-климатическая обусловленность необходимости совместных действий людей в рамках огромного пространства породила уникальный опыт коллективистских отношений. Эта связь человеческой общности со всей совокупностью природно-пространственных особенностей имела под собой объективную онтологическую и психологическую основу, которая впоследствии вошла в живое коллективное наследие. Люди прежних, более органических и реальных эпох, как отмечает Бердяев, знали более глубокие формы общения и общности». И сколько бы ни иронизировали над якобы мнимой коллективностью и общинностью русского народа, социальная память о «народном коллективизме» в разных своих проявлениях все еще жива. Изучение глубинных оснований жизнедеятельности народа показывает, что он в меньшей степени, чем другие народы подвержен стандарту индивидуализма и частной жизни.

Менталитету «мы-я» соответствует и патерналистский характер управления экономикой и обществом, корни которого находятся в историческом прошлом России. Обусловленные пространственными и природно-климатическими условиями патерналистские черты сформировались в условиях традиционного общества в русской крестьянской культуре. Патернализм, как поведенческий стереотип, пронизывал и культуру образованного общества. Естественно, что его проявления обозначались понятиями, адекватными времени. Наиболее распространенными словами, отражавшими разные стороны патернализма, были попечение и покровительство, а также производные от них. Патернализм как базисное основание в Российской империи реализовывался в категориях заботливости, надзора, поощрения, защиты, благотворения, вспомоществования, пожертвования и т. д..

Патерналистские традиции можно отнести к «коллективному бессознательному», т. е. к культурному архетипу, который управляет его поведением на уровне подсознания и закрепляется в российской ментальности и политической культуре. Патернализм всегда был универсальной и значимой чертой государственно-цивилизационного устройства России, социально-экономическая структура которой способствует воспроизводству патернализма не только сверху вниз, но и снизу вверх. Патерналистские традиции оказались очень устойчивыми и в советский период. Партийные органы осуществляли функции опеки, поощряя и наказывая граждан. В современной трактовке патернализм понимается как доктрина и деятельность с позиций «отеческой заботы» по отношению к слоям и группам, менее защищенным в социальном и экономическом отношениях.

Актуальность проблемы патернализма подтверждается и событиями наших дней, когда сложившаяся в постсоветский период ситуация продемонстрировала потребность народа в опеке со стороны государства, в гарантиях социальной помощи и защиты, которые он рассматривает как нечто априорное, как обязательную функцию власти (правителя). Социологические исследования выявляют устойчивую патерналистскую ориентацию российских работников: в отношении руководителей преимущественно востребован отеческий тип заботы, а не партнёрское уважение. Подобный тип отношений ожидается даже от самых высоких руководителей, президентов крупнейших холдингов. Восприятие производственной структуры отношений транслируется и на высший уровень политической власти – президента. Согласно социологическим опросам, свыше 80 % россиян и в политической жизни страны поддерживают именно такой тип сильного, единоличного начальника – «царя-батюшки».

Исходя из этого, некоторые политики и аналитики делают вывод, что подобного рода патерналистское мировосприятие и мироощущение является частью непродуктивной культуры, отвергающей дух конкуренции и риска, культуры, противостоящей «динамическому буржуазному обществу», нацеленному на прогресс. Поэтому преодоление патернализма было одной из целей либеральных реформ в России. Либералы настойчиво представляют патерналистские ориентиры большинства граждан России как иждивенчество.

Если же обратиться к международному опыту, то окажется, что уверенность граждан в необходимости патерналистской системы отношений, использующих покровительство, опеку и контроль младших старшими, граждан государством имеет место не только в России. Цивилизационное значение и важную роль государственного патернализма отнюдь не отвергают в странах с развитой рыночной экономикой. При современном капитализме, основанном на либеральных ценностях, расходы на патернализм огромны. В среднем по 20 развитым странам субсидии, с помощью которых регулируют цены на продовольственные продукты, составляют половину расходов населения на питание. В отдельных странах (Япония) дотации в иные годы составляли 80 % расходов на питание. Освобождение цен в России в «лихие 90-е» фактически было не либеральным прорывом, а состоявшейся попыткой власти снять с себя ответственность за уровень жизни народа. Приватизация явилась отказом власти от управления собственностью. Тогда же государство, по сути, сняло с себя ответственность за науку, культуру, образование и здравоохранение, то есть за институты, обеспечивающие стратегическое развитие любого общества.

После развала СССР выдавливание государства из экономики обернулось тяжелейшим ударом для страны и общества. Продолжающиеся под разными благовидными предлогами попытки ограничить патерналистские функции государства будут не только провоцировать дальнейший ценностный конфликт с большинством населения, но и всё более раскалывать общество, подрывать его нравственные устои, создадут фундаментальную угрозу самому существованию России.

Применение столь обобщенной формулы (мы-я) для характеристики менталитета народа оправдано в ограниченных рамках данной работы, поскольку помогает выделить главное в обсуждаемой теме и прежде всего применительно к вопросу: какой социально-экономический строй может соответствовать такому менталитету? Общинное, коллективистское начало, выраженное в формуле «мы-я» изначально коренилось в органической общности человеческого бытия. Его следует признать, наряду с личностным (разумным и одухотворенным) началом, одним из фундаментальных свойств человеческой природы. «Именно проявлением этих общественных начал и являются те элементы социализма, которые можно выделить на любой стадии человеческой истории». Зачатки социализма, встречающиеся в семье, племени или государстве, такие как справедливость распределения, отсутствие частной собственности, общность целей, распределение социальных функций и т. д. есть естественное следствие природной социальной

целесобразности. Соответствие «мы-менталитета» принципам социалистического общественного бытия есть фундаментальное свойство живой природы, заключающееся в органической самоорганизации целого.

В противоположность этому усиление разрушительных тенденций, возникших на базе капиталистических методов хозяйствования, основанных на эгоизме, индивидуализме и нравственно-этическом беззаконии, которые позволяли эксплуатировать человека, вошли в глубочайшее социально-этическое противоречие с естественно-природной формой самоорганизации социального бытия. Это и вызвало к жизни *социалистическую реакцию*, «то есть стремление социума восстановить природно-естественное равновесие и органическую целостность общественного бытия уже на новом идеологическом уровне. Таким образом, идеи социализма находят себе вполне фундаментальное природно-естественное обоснование, вписываясь в общий контекст цивилизационного самопознания человечества». Иными словами, в периодическом возвращении человечества к идеям социализма через долгий путь духовно-идеологических исканий и социальных потрясений нет ничего странного и противоестественного, так как социалистические принципы организации общества оказываются идеологической колыбелью цивилизации.

Свойственный России «мы-менталитет» является одной из главных причин того, что именно Россия всерьез задумала и осуществила реальное переустройство общества на принципах социализма. Она пришла к этому всем строем своей ментальности и всем существом своей истории. Однако практически воплотив в жизнь новые социально-экономические отношения, социализм, тем не менее, оказался неспособным в узких материалистических рамках антикапиталистической методологии осуществить духовное преобразование человека и человеческих отношений. Негативные проявления социализма выступают не как его имманентное свойство, а лишь как объективное отражение ущербности самой человеческой природы и человеческой истории. В лоне советского социализма сформировался довольно большой слой людей, озабоченных своими личными, эгоистическими интересами, которых можно характеризовать как людей с я-менталитетом, многие из которых, в частности, находили свою экономическую нишу в теневой экономике, сыгравшей свою негативную роль в развале страны.

Не вдаваясь в характеристики двух альтернативных способов хозяйствования – капиталистического и социалистического (советского образца), можно отметить, что капиталистический строй полностью подавляет слой общества с мы-менталитетом, а социалистический (советский) – с «я-менталитетом». Между тем наукой доказано, что наибольшие шансы на существование имеет то, что требует для этого существования наименьших затрат энергии. Поскольку подавление какого-либо общественного слоя связано с дополнительными затратами энергии, наибольшие шансы на существование имеет тот общественно-экономический строй, который соответствует менталитету всех слоёв общества. Поэтому и капиталистический, и социалистический строй, как показала история, оказались нежизнеспособными. Политическая история знает примеры того, как целые режимы гибли, потому что нарушался закон экономии сил, который является регулирующим началом всякого развития.

Существование любого стабильного и способного к солидарным действиям общества невозможно без признания ее членами неких общезначимых правил, по которым живут и трудятся все члены этого общества. В зависимости от складывающейся социально-политической ситуации и потребностей общества актуальное значение приобретает тот или иной социально-экономический строй. Поэтому необходимость актуализации взятых из прошлого образцов поведения и типов мышления может обосновываться не тем, что они являются элементом коллективного наследия, а их реальной действенностью. Иными словами, проблема заключается вовсе не в том, в какой степени эта коллективность еще сохранилась в народе, а в том, отвечает ли она нынешним потребностям общества и государства.

Включившись в настоящее коллективность с необходимостью приобретает какие-то новые черты, но все же ее главные исторические особенности остаются. В современных условиях существенное значение имеет не само деление на два типа ментальности, а выявление того типа, который сохраняется у больших групп общества, и того типа мышления, который исповедует меньшинство. То есть учет зависимости общественного сознания от тех или иных исторических образцов ментальности является неперенным условием любого успешного реформирования. Речь при этом идет не о восстановлении какого-то разрушенного прошлого, а о возвращении к тому, что фактически осталось, к тому, что может быть сохранено и упрочено. В условиях современной России, если еще и можно говорить о каком-то выборе, то такой выбор возможен между капитал-социалистическим строем, который соответствует обществу с менталитетом «я-мы», и социал-капиталистическим, соответствующим обществу с менталитетом «мы-я». Первый строй характерен для западной цивилизации с её приоритетом материальных ценностей перед духовными, второй – для русско-российской цивилизации с обратным приоритетом.

Капитал-социализм ориентирован только на извлечение прибыли для умножения материальных ценностей в ущерб духовным, содержащимся в социализме, хотя и в производном (вторичном) от метаисторического идеала христианства качестве. Локомотивом общества капитал-социализма, обеспечивающим извлечение прибыли, является его я-менталитетный слой. Капитал-социалистическая экономика характеризуется господствующей ролью частной собственности. В то же время эта экономика переняла у социализма необходимость создания достаточно сильного государственного сектора, планирования и государственного регулирования рыночной экономики. Общественный, социальный интерес капитал-социализм учитывает лишь в той мере, в которой это необходимо для его сохранения путём поддержания социального мира между общественными слоями с «я- и «мы- менталитетом». Политическим выразителем этой сути капитал-социализма служат социал-демократические партии, которые наиболее сильны в Европе.

В России, где огромное большинство людей являются носителями «мы-менталитета», народ психологически не воспринимает и не принимает выстраиваемый в современной России социально-экономический строй и соответствующий ему тип экономических отношений. Для России «менталитетным строем» является социал-капитализм, который характеризуется сочетанием государственной собственности в малодинамичных и капиталоемких областях экономики, имеющих стратегическое значение для государства с элементами рыночной экономики – частной собственностью в высокодинамичных и малозатратных областях экономики, которые требуют достаточно свободной деловой инициативы и удовлетворяют устремлениям эгоистической я-менталитетной части общества.

В отличие от советского социализма при социал-капитализме индивидуалистический я-слой не подавляется, а получает возможность самовыражения своей сущности путём предпринимательской деятельности на основе мелкой и средней частной собственности, размеры которой ограничены социальными интересами общества. Крупная собственность и общенародные национальные богатства остаются в руках государства. Социал-капиталистический строй в России будет иметь максимально менталитетный характер и потребует поэтому минимальных затрат энергии на своё существование. Следовательно, он будет самым стабильным из всех возможных вариантов. Нынешнее российское общество, похоже, только начинает осознавать масштабность новых политических и экономических горизонтов и во многом еще не готово к практическому решению новых задач, оставаясь в рамках идеологических стереотипов прошлого и инерции схематического, шаблонного мышления по принципу «или-или».

5. Роль правителя как отражение пространственной парадигмы России

Объективно-онтологическая сущность Российского государства с доминированием необъятного и многомерного пространства над временем делает правителя главной фигурой российской истории, вменяет ему в обязанность удерживать это пространство, стягивать его в единое государство со всеми его цивилизационными особенностями. Это ощущение доминирования безграничного пространства причудливым образом трансформируется и в политическом сознании людей. Л.А. Тихомиров писал: «Русский человек или монархист, или анархист, но никогда – либерал». Ему перед смертью вторил и сам Нестор Махно, который считал, что в России может быть или монархия, или анархия, но вторая – всегда ненадолго.

В русской традиции пространство устойчиво связывается с открытостью, с беспредельностью просторов, которая порождает ощущение полной свободы от всяких удерживающих уз и выражается емким полисемантическим словом «воля». Анархизм и монархия (в широком смысле этого слова) суть внешне различные, но внутренне взаимосвязанные тенденции развития российской действительности, которые отражают доминирование пространства над временем.

Склонность к анархии в слабо упорядоченном социуме на широких просторах России, ведущая к распаду пространства, равно как и борьба за удержание и контроль над обширным пространством неизбежно порождают явные и тайные авторитарные структуры власти. В этом смысле Россия была и остается страной, имеющей авторитарные традиции, где авторитаризм проявляется главным образом не как политическая диктатура, а скорее как вынужденная мера для защиты личности от произвола и беззакония. Поэтому парламентско-демократические, западные способы организации остаются здесь внешними, не определяющими сути процессов.

В силу изначальных особенностей своего миропостижения русский человек всегда нуждался в наличии сильного, авторитетного, справедливого вождя «царя-батюшки». Его психологический тип требует твердого управления. «“Демократический” и особенно “попустительский” тип государства вызывает нарушение внутреннего равновесия, децентрализацию психологических установок, потерю нравственных эталонов и в конечном счете состояние аномии».

В проблеме правителя в России соединились воедино в сложный комплекс патернализм, который в истории России наполнен особым смыслом, и философский вопрос о сущности человека. Способ властвования правителя был ответом на вопросы: каков человек – слабое, безвольное существо, нуждающееся в течение своей жизни в непрестанных поучениях и надзоре или самостоятельный и ответственный субъект, способный свободно выбирать – добро или зло? И может ли правитель позволить отдельному человеку руководствоваться в действиях его собственными знанием и опытом, или же надлежит заставлять человека делать то, что кажется приемлемым правителю, ибо именно правитель лучше способен судить о значении действий отдельного человека для общества в целом?

Историческая судьба России сложилась таким образом, что наличие огромного пространства и вытекающий отсюда патернализм в конце концов ставит правителя перед императивом: эффективное управление разнонаправленными человеческими волями для достижения заведомо определенной цели гораздо важнее соблюдения личной свободы человека.

Однако история русской философско-политической мысли решала этот вопрос не столь однозначно. Так, преподобный Максим Грек (XVI в.) – образованнейший человек своего времени и богослов, а также близкие ему по своим убеждениям (преподобный Нил Сорский, Вассиан Патрикеев) были уверены: человек заслуживает того, чтобы вручить ему ответственность за собственное спасение, человек способен поступать в соответствии с внутренним голосом совести. Они считали сверхзадачей правителя в средневековой Руси сохранение православной веры в чистоте и неизменности, а также ответственность правителя за вечную жизнь своих подданных. Это разделялись всеми древнерусскими

мыслителями-книжниками, но средства к достижению этой цели ими предлагались различные.

В этом смысле своеобразной антитезой наставлениям Максима Грека служат сочинения блестящего публициста И.С. Пересветова и монаха, преподобного Иосифа Волоцкого. Они оба считали крайне важным всячески усиливать единоличную власть правителя, совершенно упразднив при этом институт «мудрых советников», неизбежно превращающихся, по их мнению, в развращенных корыстолюбцев. Никто не должен возражать решениям государя. Его воля должна быть возведена в закон, он может использовать даже самые жесткие методы управления. «Как конь под царем без узды, так царство без грозы» – такова государственная необходимость, и она оправдана, ведь речь идет о спасении людей для Царствия Небесного.

Из такого разного понимания глубинных философских и религиозных воззрений на природу человека, его свободу и призвание родилось столь разительное противопоставление средств при искреннем стремлении к одной и той же цели. Это чрезвычайно важно, ведь именно из данного идейного столкновения впоследствии родилась концепция самодержавного правления Ивана Грозного и его реальные политические решения.

Царь Иван Грозный выбрал второй путь, пытаясь тем самым предотвратить возможные ошибки своих подданных. Ведь именно он, «грозный и мудрый государь» обязан своих подданных «привести к покаянию», поставить их ограниченные и разрозненные интересы на службу общему благу. Но «заставить», «принудить» – значит, лишить свободы. А где нет свободы – там нет и ответственности, ответа перед Богом. По сути дела, всю ответственность за ошибки подданных царь Иван Васильевич берет на себя со всеми вытекающими отсюда последствиями, хорошо известными из истории.

Некоторые исследователи задаются вопросом: может быть, ошибка Ивана Грозного как раз в том, что он попытался взять на себя функции, несвойственные государственной власти и изначально принадлежащие Церкви? Как известно, голос Церкви заглушался самодержцем всеми возможными способами, вплоть до умерщвления непокорных ему духовных пастырей, как это было в случае с митрополитом Филиппом. Ведь Церковь признавала возможным и спасительным как *внутренний путь* самовоспитания человека в духе евангельских заповедей, раскрытия Высшего замысла о себе (преподобный Максим Грек, преподобный Нил Сорский), так и *внешний путь* принудительной, но нравственно ограниченной регуляции проявлений зла в обществе ради сохранения веры и поддержания порядка (преподобный Иосиф Волоцкий). Не признавала Церковь лишь путь произвола и насилия, даже во имя сколь угодно благих целей (царь Иван Грозный). Поэтому, несмотря на неоднократные попытки со стороны отдельных членов Церкви причислить Ивана Грозного к лику святых, он так до сих пор и не причислен.

Образ правителя христианского типа первым в истории русской политической мысли создал Илларион, разработавший нравственные критерии, которым он должен соответствовать. Впоследствии данная тема широко обсуждается в политической средневековой теории, а из близких Иллариону мыслителей дальнейшее развитие нашла у Владимира Мономаха, который практически воспринял и развил весь комплекс идей, рассмотренных Илларионом.

Мономах разрабатывает поставленную еще Илларионом проблему ответственности Великого князя перед подданными. О ней он говорит при решении вопроса об управлении страной, организации правосудия и о необходимости военных действий. В дальнейшем они получили свое продолжение в произведениях Даниила Заточника.

Центральной политической идеей Даниила в его произведении «Моление» служит образ Великого князя. Он явно идеализирован в традициях, разработанных русской политической литературой. Князь привлекателен внешне, он милостив, выступает как верховный глава всем своим людям. Если власть князя организована плохо и в державе отсутствует порядок и управление, то есть существует «Беззрядье», то в этом случае и сильное государство

может погибнуть, поэтому важно не только верховенство князя, но и хорошо организованное управление. В духе традиций русской политической мысли Даниил последовательно проводит мысль о необходимости князю иметь при себе думцев и опираться на их совет в своей деятельности. Задача заключается в правильном подборе думцев, которые должны быть умны и справедливы, причем необязательно приглашать в думу только старых и опытных, ибо все дело в уме. Совершенно в ключе русских политических традиций он во всех случаях государственных неурядиц винит «думцев», потому как «не море топит корабль, но волны морские... так князь не сам впадает во многие вещи, но злые думцы вводят».

Определяя княжескую силу, Даниил пользуется понятием «царская гроза» практически уже как формулой, утвердившейся в русской политической литературе. «Гроза», о которой он говорит, не представляет собой реализации принципа самовластья. Это признак дееспособности и надежности самой власти. «Страх и гроза» обращены не против подданных, а в их защиту для установления внешней безопасности и внутреннего порядка, обеспечивающего стабильность политической жизни. При помощи «грозы» восстанавливается нарушенная справедливость и пресекается беззаконие. С князем и возвеличиванием его власти Даниил связывает не только процветание государства, но и безопасность жизни и имущества подданных. В этом смысле осуждаются действия княжеской администрации, которая все время покушается на имущество подданных. Боярское засилье ведет к прямому ущербу верховной власти. Эти положения со всей очевидностью показывают, что форма власти у Даниила близка к идеалу Мономаха.

В середине XVI в. политическими писателями были в основном ученики и последователи Иосифа Волоцкого. Автор теории, вошедшей в историю политической мысли «Москва – третий Рим», монах Филофей также был иосифлянином по своей ориентации. Наиболее подробно разработан у Филофея вопрос о роли и значении единой для всей русской земли верховной власти. Прежде всего Филофей отмечает законность происхождения великокняжеской власти. Но основное внимание он сосредотачивает на выяснении сущности верховной власти, личность носителя которой явно сакрализуется. Многократно обращается Филофей и к традиционному для русской политической мысли описанию образа царя. Согласно Филофею, царь строг со всеми, кто отступает от правды, поскольку он «слуга есть божий в наказание согрешающим, а поставлен от Бога на всех творящих обиду и содеящих неправду». Но он заботлив и справедлив в отношении всех своих подданных. Высокое представление о царской власти подтверждается требованием безоговорочного подчинения ей со стороны подданных.

Мечта о мудром и справедливом правителе проявилась и в устном народном творчестве. Так, герои многих сказок, чтобы решить какой-либо сложный вопрос, идут на царский суд. В ряде произведений русской литературы можно отыскать образ идеального, с точки зрения автора, правителя. Пожалуй, одним из подобных руководителей можно считать князя Святослава Всеволодовича Киевского, каким его изобразил автор «Слова о полку Игореве». Не менее возвышенный идеал благородного правителя содержится в «Житии Александра Невского». Автор «Жития...» неоднократно подчеркивает заботу князя о подданных. Образ идеального правителя присутствует и в произведениях более позднего периода русской литературы. Ярким примером может служить ода Г.Р. Державина «Фелица», где под именем царевны Фелицы автор прославляет императрицу Екатерину II.

Во все времена в России людям было свойственно надеяться на то, что мудрый и справедливый правитель сумеет решить их насущные проблемы. Сопоставляя реальное и желаемое, разные авторы создавали образы идеального правителя: нередко идеализации подвергалась и личность реального исторического лица. Идеализация высшей власти и наделение ее практически чудотворными возможностями – это отражение монархического сознания нашего народа, сформированного особенностями формирования государства в беспредельных российских просторах. Н. Бердяев указывал на огромное значение идеи царя для душевной дисциплины русского народа. «Царь был духовной скрепой русского

народа, он органически вошел в религиозное воспитание народа. Без царя не мыслил народ никакого государства, никакого закона, никакого порядка, никакого подчинения общему и целому». А всевозможные проблемы, которых было великое множество на все всем протяжении истории России, еще более усиливали патерналистские настроения и содействовали персонификации власти, с которой люди связывали надежды на свое благополучие. Можно сказать, что легитимность правителя, выражаясь современным языком, исходила из исторических традиций и культурного архетипа, она основывалась на нравственном идеале, патриархальном этатизме и вере в безупречность «помазанника божьего». Такой правитель обычно представлялся как человек твердой воли, вдохновленный идеей государственности, умеющий порой вызывать в душах народа резонанс единого порыва и в то же время не лишенный харизматических черт.

В свете такой исторической ретроспективы нельзя обойти и остро политический, дискуссионный вопрос о Сталине. И здесь мы сталкиваемся с парадоксальным фактом. Несмотря на активную антисталинскую пропаганду в современной России, народ к Сталину относится в целом положительно: рассказы об ужасах сталинского времени, о пороках самого «тирана» не оказывают должного воздействия на народ. Есть даже свидетельства того, что к «кремлевскому горцу» положительно относятся и те, чьи предки были в сталинские времена репрессированы. В чем же тут дело?

Заявления о том, что народ некачественный, неисправимый, достойный презрения (Д. Быков), одним словом – «быдло» – чисто эмоциональное и ничего не объясняет в сущности этого явления. В отличие от многих публицистов, пишущих в таком ключе, сущность данного феномена хорошо раскрыла публицист Т. Воеводина, когда обратилась к этому вопросу именно с точки зрения исторической ретроспективы. Такой подход позволил понять, что данный феномен скрывает в себе несколько важных смыслов, которые корреспондируются с представлениями народа о высшей власти. *Смысл первый – символический*, ибо Сталин уже давно приобрел статус символа – символа Победы русского народа, его достижений, величия России. Сталину когда-то удалось переломить ситуацию – и дойти до Берлина. Вот и в современных неблагоприятных условиях народ уповает на возможность появления нового Сталина, который смог бы преодолеть кризисные явления и установить для всех приемлемый порядок.

Смысл второй – практико-политический, который актуален на всем протяжении истории. Сталину, хотя и репрессивными мерами, основанными на страхе, все-таки удалось создать управляемый и дееспособный государственный аппарат, от функционирования которого в государстве зависит очень многое.

Третий смысл – Сталин – «отец народов». Сегодня у народа, веками жившего в традициях патернализма, острый синдром безотцовщины, покинутости. Народ испытывает потребность в Отце, а не в наёмном менеджере. Разница колоссальная. Отец может быть строгим, даже жестоким, может ошибаться, но он – глава семьи, он – часть семьи. У него нет других целей, кроме целей семьи. Наёмный менеджер может уволиться, наняться к другому хозяину, просто отойти от дел и отбыть на покой на ранчо, в тёплые страны.

Почему нашему народу так нужен отец? Видимо, такова наша география, наша история, наша цивилизационная особенность, наша глубинная метафизика и психология. Сегодня простой народ не просто покинут – его словно бы и нет. Есть чиновники, актёры, дизайнеры, мерчандайзеры, гламурные журналисты. Но ничего не слышно о сталеварах, строителях, комбайнёрах.

И еще одно немаловажное обстоятельство, которое отмечает Воеводина: народ ощущает, что Отец «знает как». Он знает, как достичь некоей цели, он знает, что нужно. Он примет в нужный момент верное решение. Он не бросит, он спасёт, он накажет виновных, если потребуются. Ощущение того, что где-то там, наверху, «знают как», критически важно для народа. Недаром сложился образ мудрого Сталина, который знает ответы на все вопросы, выдвигаемые жизнью, неслучайной была и такая картинка, отчасти сформированная народной фантазией: ночью в Кремле горит одно окно – это Сталин думает и пишет, как

нам всем жить. Даже был когда-то в букваре стишок: «Бьют часы двенадцать раз – Сталин думает о нас».

Принято считать, что такое ощущение – от неразвитости, инфантильности, убогости и дремучести. На самом деле дело обстоит не то что наоборот, а – сложнее. Наличие отца – простого, личного или Отца нации не отнимает, а придаёт силу отдельному слабому человеку. Недаром вырасти сильным и деятельным человеком без отца очень трудно. Беззаветно веря Отцу, человек может совершить невероятное. «Через четыре года здесь будет город-сад» – и он будет потому, что так сказал Отец. Так вот вопрос: это сила или слабость – вера в Отца? Наверное, всё-таки сила, полагает Воеводина.

Представляется, что сегодняшнее общераспространённое ощущение опасности, незащищённости, отовсюду грозящей напасти, разгула криминала и страшных неведомых болезней – от безотцовщины. У нас нет Отца, который «думает о нас», который не бросит и который «знает как». А нет отца – нет и силы, чтобы противостоять, как принято теперь выражаться, «современным вызовам».

В какой-то степени эта потребность в мудром, заботливом правителе выражается в феномене Путина, который неоднократно демонстрировал твердость и доказывал эффективность своей деятельности. В народном сознании он представляется гарантом дальнейшего поступательного развития страны, обеспечения внутри – и внешнеполитической стабильности, обеспечения эффективной деятельности органов государственной власти и т. д. Его зашкаливающий рейтинг доверия является доказательством тому. Однако анализ данного феномена требует отдельного рассмотрения.

Для России статус цивилизации-государства (в любых ее видах) – не только единственный способ быть продолжателем лучших традиций русско-российского государства, воплощающего смысл его существования, но и реакция на серьезный цивилизационный вызов сегодняшнего дня. В этой связи приоритетное значение приобретает восстановление цивилизационной преемственности в развитии властных структур, использовании политических и экономических средств обеспечения цивилизационной безопасности. Только в качестве преемника и продолжателя традиций русско-российской цивилизации Российское государство может войти в третье тысячелетие, взяв на себя ответственность за сохранение и развитие всего того ценного, что было накоплено за всю историю существования России, и за стабильность в цивилизационном окружении.

Русская цивилизация по главным вопросам бытия всегда предлагала человечеству систему ценностей, максимально полно соответствующую интересам выживания всего человечества, рисовала отличный от западного образ будущего и предлагала иные решения. Российская миротворческая роль общепризнанна в мире. Её движущей силой является цивилизационная основа, где понятие правды и справедливости превалирует над личным интересом. Именно это обстоятельство позволяет утверждать, что возможность мирного урегулирования всевозможных противоречий во многом зависит от цивилизационной сущности России, направленной на обеспечение мирной жизни любых народов и цивилизаций. Понятие правды и справедливости – неотъемлемая составляющая российского менталитета, базовая основа всей русской цивилизации. Она иррациональна и не ограничена географическими границами. Поэтому даже народы, не входящие непосредственно в состав РФ, но подвергающиеся агрессии, могут рассчитывать на помощь России, что подтверждено многовековым опытом её существования.

Из всех существующих сегодня крупных цивилизаций Российское государство-цивилизация, если сумеет воплотить во всей полноте данные ценности, имеет шанс больше всех соответствовать принципам построения гуманного демократического общества, внести в будущее свой особый вклад, предложив миру в отличие от глобализации по-американски иной путь универсализма.

ГЛАВА III. РОССИЯ В ПОИСКАХ НАЦИОНАЛЬНОГО ПУТИ РАЗВИТИЯ

В последние десятилетия мир вступил или вступает в совершенно новый этап развития. Предыдущий этап, связанный с созданием все большего числа национальных государств, закончился. Глобализация общественных связей и отношений объективно требует создания экономически сильных государств и межгосударственных образований. Сегодня крупнейшие незападные государства – Бразилия, Индия, Иран, Китай, Россия всё более самостоятельно действуют на мировой арене и оказывают растущее сопротивление гегемонистским планам западного мира. Все названные страны – это государства-цивилизации, и в предыдущих разделах монографии их авторы проделали большую работу по раскрытию смысла этого нового политологического понятия.

Общее у большинства незападных государств-цивилизаций состоит в том, что в прошлом они, будучи средневековыми, добуржуазными империями и высокоцентрализованными бюрократическими государствами, так или иначе перестали существовать в XIX – первых десятилетиях XX в. под мощным разрушительным воздействием капитализма как экономической мировой системы. Несмотря на стремление ведущих стран мирового капитализма раздробить их на ряд национальных государств (nation-state), почти во всех случаях распада у них сохранялось государственно оформленное имперское ядро. Они оставались на исторической арене отдельными государствами, переживали длительное время упадок и кризис, нередко фактическую потерю независимости. Но они так и не стали капиталистическими странами по западному образцу, входящими в центр капиталистической мир-системы и остались на ее полупериферии (если пользоваться терминологией мир-системного анализа).

Такого рода государства сохранили и до сегодняшнего дня ряд отличительных имперских черт, и по этой причине некоторые авторы называют их импероподобными государствами. Сквозь исторически разные государственные одежды постоянно проглядывает матрица централизованной государственности, которая не только позволила им продолжать существовать в качестве жизнеспособных общественных организмов, но и содействовала во многих случаях обратным процессам реинтеграции утерянных прежде территорий.

В течение последних десятилетий большие государства-цивилизации вступили на путь интенсивного поиска и обретения своего национального пути развития. Причем речь идет не просто о событийной истории – простой фиксации конкретных этапов развития страны, а о выявлении скрытой логики исторической преемственности, исходя из признания неизменности в главном их цивилизационной матрицы или кода. Обретение национального пути, по которому начинает следовать страна (государство-цивилизация), в наибольшей степени способствует раскрытию жизнеутверждающих основ цивилизации, продвигает страну к вершинам социально-экономического и политического могущества, к росту личного благосостояния граждан, их уверенности в своем будущем и будущем страны.

На сегодняшний день просматривается несколько вариантов выбора национального пути. Первый вариант представляет Иран, проводящий модернизацию на основе сохранения теократической государственности; второй – динамично развивающиеся Индия и Бразилия, страны с сильной социально-демократической ориентацией; третий наиболее впечатляющий пример – социалистический Китай. Именно в результате фантастических успехов Китая в центр внимания теоретической мысли все больше выдвигается в последнее время проблематика некапиталистического пути развития, и как его суть и логическое следствие – переход к строительству некапиталистического социализма. Многочисленные предубеждения против социализма вообще, и, тем более, против некапиталистического социализма как чистейшей утопии поставлены китайским опытом под большое сомнение.

1. Устарела ли антитеза капитализм-социализм?

Широкое распространение социалистических идей и наличие многообразных левых и социалистических движений во всех регионах мира в отечественной научной среде почти не замечается и не обсуждается. Среди ученых широко распространена точка зрения, согласно которой деление на капитализм и социализм устарело или устаревает, поскольку сегодня постепенно складывается принципиально новая и весьма сложная социально-экономическая система, соединяющая как в западных, так и в незападных странах элементы экономических моделей капитализма и социализма. С нашей точки зрения, снять многовековую проблему капитализм – социализм из-за ее якобы устарелости так просто не удастся. В теоретическом плане это серьезная и по-прежнему нерешенная проблема.

Обсуждение вопроса о судьбе современного, далеко уже не классического капитализма, которое нашло удачное выражение в названии одной из последних работ группы зарубежных авторов «Есть ли будущее у капитализма?», имеет поистине необъятную литературу. Западные исследователи, стремясь к максимальной объективности, весьма осторожны в своих прогнозах и уж тем более далеки от оптимизма, который присущ некоторым отечественным апологетам неолиберального капитализма. Согласно И. Валлерстайну, капитализм есть мировая система, и он, как и все исторические системы, устремлен к системному пределу. Но никто не знает, неоднократно подчеркивает И. Валлерстайн, какая система придет на смену капитализму. При этом социализм в разных его модификациях **видится** в лучшем случае как временное, преходящее явление, не более того. Всерьез его не рассматривают. Важно, однако, заметить, что капитализм и в указанной работе также **обсуждается** как экономическая система. Проблемы политического могущества глобального капитала, стремление финансово-банковской олигархии к глобальному доминированию и мировому господству старательно обходятся стороной, **оказываются по существу обойденными (повтор слова обходятся стороной – можно снять)**, хотя и **разбираются** другие характерные, по-прежнему свойственные современному капитализму черты – отчуждение, эксплуатация, социальное неравенство и несправедливость. Впрочем, найти новые доказательства тому, что капитализм как общественный строй все ещё обладает некими созидательными силами и может вновь приобрести привлекательный облик, становится сегодня все труднее и труднее.

Если теперь говорить о социализме, то необходимо принять во внимание **его** большую многомерность как научного понятия. Удачную характеристику социализма **в этом плане** привел Б.Ф. Славин. «С философско-исторической точки зрения социализмом называют первую фазу преодоления эксплуатации и всех видов социального отчуждения; с экономической точки зрения социализм выступает как результат реального обобществления производства; с точки зрения строительства нового общества социализм – это живое творчество масс; наконец, с социально-политической точки зрения – это власть трудящихся, утверждение демократии, самоуправления и свободы личности. Давая самое общее и простое определение понятию «социализм», можно сказать, что наука видит в нем такое общество, в котором власть принадлежит трудящимся и служит удовлетворению их интересов».

Обращение к определениям, которыми пользовался К. Маркс, выявляет, что социализм, прежде всего, есть социальная критика капиталистического способа производства и, стало быть, подлинный социализм может вырасти, тем более в XXI в., из зрелого, высокоразвитого капитализма, т. е. в формационном смысле речь может и видимо должна идти о посткапиталистическом социализме.

Такое общепринятое формационное понимание социализма требует, **однако**, сегодня серьезного переосмысления, если исходить особенно из исторической практики конкретного становления (строительства) социализма в разных странах мира в XX – начале XXI вв. Во-первых, почти все страны, которые приступали в этот период к строительству социализма, не прошли капиталистическую стадию развития в ее западном варианте, а были в лучшем случае странами зависимого и отсталого, одним словом, периферийного капитализма. И, во вторых, на мировой арене сложились

непредусмотренные никакой формационной теорией К. Маркса борьба и взаимодействие двух мировых общественных систем. Оба эти обстоятельства должны быть в полной мере приняты во внимание при обсуждении вопросов, остающихся остро дискуссионными, - вопросов о природе реального социализма в СССР, в других странах бывшего социалистического лагеря, о природе незападного (восточного) социализма вообще и социализма с китайской спецификой, в частности.

2. Некапиталистический путь развития Китая как теоретическая проблема

Китай был одной из самых состоятельных стран ещё в XVIII в. «Китай страна гораздо более богатая, чем любая часть Европы, и разница между ценой средств существования в Китае и Европе очень велика», - пишет в своей знаменитой работе «Исследование о природе и причинах богатства народов», опубликованной в 1776 г., классик английской политической экономии Адам Смит. Европейские просветители Дидро, Вольтер, Лейбниц и другие высоко оценивали культурные достижения средневекового Китая. Впрочем, немало было и критики китайской отсталости, причем наиболее резкие суждения о европейских увлечениях Китаем исходили из окол властных кругов Англии, что можно оценивать сегодня как подготовку общественного мнения к вторжению в закрытый от англичан Китай. Европа тех времен заимствовала у него многочисленные достижения в технике, оружии, медицине, сельском хозяйстве, не говоря уже о покупке изысканных предметов роскоши.

А. Смит в своей работе высказал важные положения, непосредственно касающиеся идеи некапиталистического развития. Их сегодня охотно цитируют либерально ориентированные ученые, представляя английского экономиста исключительно апологетом рынка. Но смысл точки зрения А. Смита, высказанной им относительно роли рынка, вовсе не сводится к той простой фразе, что мол «рынок все расставит по своим местам». Политическая экономия есть отрасль знания, необходимая государственному деятелю или законодателю, как эффективный инструмент управления хозяйством страны, в том числе и с помощью рынка. Согласно А. Смицу, государь или законодатель принимает при этом решения исходя, в первую очередь, из социальных или политических интересов, нежели из сугубо экономических. Но это замечание, как говорится, по ходу дела.

А. Смит пишет, что существует естественный и противоестественный ход развития общества. Средневековый Китай являлся образцом страны, шедшей тем путем развития в направлении экономической зрелости, который он называет естественным путем к изобилию. Напротив, Голландия рассматривалась им как совершенно противоположный образец страны, шедшей к экономическому расцвету европейским путем, который А. Смит называет противоестественным и ложным. «При естественном ходе вещей большая часть капитала направляется, прежде всего, в земледелие, затем в мануфактуру и в последнюю очередь во внешнюю торговлю. ... Но хотя такой естественный порядок вещей должен был в известной степени иметь место в любом обществе, во всех современных европейских государствах он во многих отношениях оказался перевернутым на голову». Причину этого он усматривает в завоевании европейскими странами внешних рынков, возникновении мировой торговли, в господстве в ней многонационального банковского, финансового капитала.

Для понимания исторических корней некапиталистического социализма в современном Китае представляются очень важными комментарии к этим рассуждениям А. Смита итальянского экономиста и социолога Джованни Арриги. Теория рынка А. Смита «как инструмент управления особенно важна для понимания некапиталистической рыночной экономики, какой была экономика Китая до его включения (на условиях подчиненности) в глобализованную европейскую систему государств, и какой она вполне может стать снова в XXI в. при совершенно иных внутренних и всемирно-исторических условиях». Несмотря на развитие рыночного обмена с целью извлечения из него прибыли природу экономического развития современного Китая нельзя считать обязательно

капиталистической, делает осторожный вывод Дж. Арриги. После поражения Китая в двух опиумных войнах, централизованная, бюрократически упорядоченная жизнь императорского Китая приходит в упадок, сельское хозяйство, традиционные нравы и обычаи деградируют. В конце XIX в. наступает эпоха войн, революций, гражданской войны и одновременно войны с японским агрессором, а с конца 40-х гг. XX в. эпоха строительства социализма первоначально по образцу близкому к советскому социализму. И только в конце 70-х – начале 80-х годов прошлого века, начиная с реформ Дэн Сяопина, Китай постепенно пересматривает свое отношение к прошлому историческому опыту. Некапиталистический социализм Китая явился сознательным соединением национальных (цивилизационных) особенностей многовекового некапиталистического развития страны и идей марксистского социализма. Это соединение приобрело сегодня исторически закономерный характер. Переход к некапиталистическому социализму явился вместе с тем и восстановлением движения по утерянному ранее национальному, некапиталистическому пути развития.

3. Отношение к социализму с китайской спецификой в современной российской литературе

В либеральном секторе общественного сознания России естественно абсолютно доминирует мнение, что Китай является капиталистической страной. А используемая властью Китая социалистическая фразеология есть чистая идеология и пропаганда, которые должны выполнять функцию прикрытия реальных, далеко не социалистических, целей для лиц, пришедших во власть.

Верную оценку такой позиции дает известный отечественный китаевед М.Л. Титаренко. Он отмечает, что «многие наши коллеги и ряд авторитетных западных и российских политологов утверждают, что социально-экономические реформы в КНР есть не что иное как, строительство капитализма под знаменем социализма». Китайскому народу навязывают социалистические лозунги, а вся практика сугубо капиталистическая. Имеются в виду частная собственность, рынок, финансово-банковский капитал, акции и т. д. М.Л. Титаренко решительно не согласен с тем, что в стране имеется какое-то отступление от социализма. Но многие авторы именно в таком духе и пишут про социализм в Китае, тем самым искажая всю сложность и подлинный смысл перемен в социалистическом Китае.

Другой взгляд российских ученых и философов на социализм в Китае – более сдержанный. Суть его состоит в устарелости антиномии капитализм-социализм. Этот взгляд получил широкое распространение в российской литературе. Но принять его также нельзя. «С моей точки зрения, – пишет один из авторов, – не исключено, что термин «капитализм» исчезнет, как и гораздо раньше возникший термин «социализм», ибо новые формы хозяйства вполне могут получить другие названия, типа «хозяйственный тип демократии», «смешанная экономика», «многоукладная экономика» и пр.». Одним словом, антитеза «капитализм или социализм» устаревает а, может быть, и вообще уже устарела. Она остается в прошлом, в XX в. Поэтому большинство российских исследований, претендующих на научную объективность, вообще не упоминают про социализм в Китае.

Авторы с подобного рода убеждениями прикладывают большие усилия для того, чтобы в условиях растущих процессов глобализации обсуждать реальные и серьезные проблемы модернизации Китая, других незападных стран исключительно под углом зрения темпов научно-технологического, инновационного прогресса, роста экономического могущества и ВВП, развития банковского сектора, повышении уровня зарплаты, социальных услуг и т. д. При этом модернизация, как становление универсального современного общества, постоянно соотносится с экономическими, технологическими параметрами западного общества и западными критериями жизни. Делается особый упор на то, как много нужно сделать Китаю, чтобы достичь западных стандартов. Подобные интерпретации модернизации, даже если и говорится об учете национальной специфики, как правило,

оставляют за пределами анализа общественный строй, стратегические цели и задачи общества, его систему ценностей, проблему развития личности и т. д.

Рынок, банковская система, частная собственность не остались в наследство от капиталистического Китая, такого наследства у Китая фактически не было. Они были созданы социалистическим государством, встроены в общество и используются им как важные и эффективные инструменты государственного управления, способствующие экономическому развитию и процветанию государства. Наличие этих инструментов не дает оснований считать, что Китай идет по капиталистическому пути, хотя это и приносит с собой немалое количество сложных проблем (духовно-ценностных и моральных) ввиду явного несовершенства общества на начальной стадии социализма. Капитализм становится общественным строем лишь тогда, когда идентифицирует себя с государством, когда захватывает важнейшие рычаги государственного управления. В Китае есть слой богатых людей, сложился регулируемый государственной властью капиталистический уклад в экономике, но нет капитализма как общественного строя. Власть принадлежит народу в лице социалистического государства. Китай проводит эффективную политику в отношении капиталистического уклада, преследуя при этом стратегические цели построения социалистического общества. Поэтому сомнительным является утверждение о борьбе капитализма и социализма как двух общественных систем строев в современном Китае. Но универсальную трактовку современности после стремительного утверждения социалистического Китая на мировой арене видимо придется теперь соотносить с восточно-азиатским обществом модерна.

В книге «XVIII Всекитайский съезд КПК. Китайская мечта и мир» отмечается: «Многим иностранным друзьям кажется, что от социализма с китайской спецификой осталась только китайская специфика... мы имеем дело с ошибочным пониманием происходящего... Социализм – это строй, который рассматривает в качестве главной ценности общество и освобождает общество от гнета капитала, в то время как капитализм рассматривает в качестве главной ценности именно капитал». Генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин в своем выступлении на 3-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва ещё раз подчеркнул важность ускорения темпов именно социалистической модернизации. В его речи раскрывается суть стратегической установки партии и государства, мимо которой нередко проходят российские ученые.

В этой связи значительный интерес представляет работа российского ученого Э.П. Пивоваровой «Социализм с китайской спецификой». Проведенное исследование позволило автору верно и по существу весьма точно ответить на важнейший вопрос, «не является ли термин «социалистическая», поставленный рядом с рыночной экономикой в концепции «социализма с китайской спецификой», идеологическим «прикрытием» характера происходящих в китайской экономике процессов?». Автор дает отрицательный ответ. Нет, не является, хотя, по её мнению автора, «социализм с китайской спецификой по многим параметрам совсем не совпадает с моделью социализма, начертанной классиками марксизма-ленинизма».

Сегодня стало общеизвестным утверждение, что в эпоху глобализации модернизация идет с учетом национальных особенностей, но смысл ее, как мы уже отмечали, остается прежний. Китай, однако, говорит о собственном пути развития. И это совсем не проблема догоняющей модернизации, рассматриваемой с позиций опережение – отставание. Свой собственный национальный путь развития в условиях глобализации требует самостоятельного и творческого, подлинно научного его анализа. Стремление к научному пониманию социализма с китайской спецификой привело китайскую мысль к созданию концепции научного развития.

Концепция научного развития в её теоретическом, философском содержании вызывает, как и следовало ожидать, определенные трудности для понимания. Она была сформулирована 4-м поколением китайских руководителей КПК во главе с Ху Цзиньтао. Её трактовка в российской литературе обычно сводится к тому, что эта концепция предусматривает

гармоничное развитие всех сфер общества на основе соединения марксизма с реалиями Китая и особенностями современной эпохи. Такую трактовку можно принять, но она не раскрывает всего богатства концепции. Когда Дэн Сяопин сформулировал ближайшую цель в строительстве социализма как «сяокан», как «малое процветание», то это было не просто обращение к китайской традиции, к конфуцианству, а ещё и указание на то, в каком периоде в цикле перемен находится страна. В отечественной литературе недавно было обращено внимание на то, что связь малого процветания с циклическим развитием страны «для европейцев была потеряна». Действительно, можно с уверенностью говорить о том, что научный подход исходит из представления о циклическом характере исторического развития китайского общества. «Сяокан» или малое процветание характеризует один из периодов в цикле бытия китайской цивилизации.

Циклическая природа развития китайской цивилизации представлена в китайских текстах следующим образом: хаос «воюющих царств» – сяокан, т. е. «малое процветание» централизованного государства – затем датун, т. е. «великое единение» центра империи и периферии в гармонии – и, наконец, новое установление хаоса «воюющих царств». Здесь и возникает теоретически весьма значимый вопрос о том, как может повлиять выбор подлинно национального пути развития на циклическую ритмику цивилизации. Наверное, имеет смысл говорить о том, что возможно и необходимо преодоление цикличности, которая вновь может привести к смуте и распаду государства. Национальный, собственный путь государства-цивилизации и цикличность его развития, по большому счету, несовместимы, особенно если учесть, насколько сегодня стали острыми геополитические проблемы во всем мире, насколько ценна каждая частица территории для любого государства. Есть веские основания утверждать, что только на некапиталистическом пути, в ходе созидания некапиталистического социализма государства-цивилизации смогут обрести свое достойное будущее и по мере своего исторического развития смогут дать ответ на вопрос о подлинной сущности и смыслах своей современной цивилизационной идентичности.

Исторический опыт Китая имеет первостепенное значение для России с точки зрения поиска страной Россией своего собственного пути развития. У России и Китая сходное историческое прошлое, одна и та же проблема некапиталистического пути развития стояла перед ними в недавнем прошлом. Однако Россия и Китай сегодня достигли радикально различных результатов в экономическом развитии, поэтому важно выяснить, по каким причинам Россия пошла по другому пути, радикально отличному от китайского.

4. Теория и исторический опыт некапиталистического пути развития России

В дискуссиях о национальном пути развития России на протяжении нескольких столетий присутствует обширная тематика, связанная с исторической судьбой ее самобытности, т. е. «неподражательности». Постоянная актуальность этой тематики обуславливается тем, каким образом решаемостью каждый раз заново решается вопрос о том, как складываются и как должны складываться взаимные отношения между Россией и Западом. Российская самобытность с либерально-западнических позиций рассматривается как отсталость. Все российское, русское как самобытное – это отсталое (варварское). Тогда преодоление отсталости, варварства есть не только усвоение, восприятие разнообразных достижений более развитой западной цивилизации, но и воспроизведение ее экономического и политического устройства, западных ценностей и образа жизни. Дважды Россия устремлялась по капиталистическому пути. В первый раз в 1861 году. В 1917 году ее постигла катастрофа. Тогда Россия встала на путь строительства социализма в одной отдельно взятой стране. В 1991 году страна вновь решила пойти по капиталистическому пути, но особых успехов не добилась. Более того, тупик зависимого и отсталого капитализма для страны сегодня вполне вероятен, и причины его лежат, прежде всего, в экономической плоскости.

Сегодня вновь встал вопрос о сочетании, соединении национальных, цивилизационных особенностей России и западноевропейского опыта. В ходе поиска решения мы будем исходить из следующего предположения. Поскольку Россия, Китай, другие большие государства-цивилизации не попали в «общество модерна», т. е. не перешли в своем развитии на этап развитого, западного капитализма ни сто лет назад, ни тем более в современный период, то их путь в стратегическом отношении лежит мимо капитализма как общественного строя, как формации. Вполне возможно, что Россия, дважды столкнувшись с западным капитализмом, рано или поздно начнет развиваться по собственному, национальному пути. Как конкретно он будет выглядеть, это отдельный большой вопрос, о котором ещё пойдет речь. На протяжении ряда столетий Россия, также как и Китай, сначала развивалась в целом по некапиталистическому пути. Радикальный поворот в многовековом поиске страной своего национального пути развития связан с реформами Александра II, с пореформенной Россией и ее дальнейшей исторической судьбой.

В XVIII в. – первой половине XIX в. в рамках европейской экономической мир-системы Россия прочно занимала место периферийной империи, она заметно отставала в экономическом развитии, но успешно в целом компенсировала свою отсталость постоянным наращиванием своего военно-политического могущества. Достигнутый предел – это решающая роль Российской империи в создании в 1815 г. Священного Союза с его консервативной монархической идеологией. В это время Россия становится одной из великих держав. Она активно выступает за сохранение сложившегося порядка межгосударственных отношений в Европе. Но экономическая зависимость и отставание от передовых европейских государств никуда при этом не делись, поскольку сложившееся устойчивое международное разделение труда отводило России место надежного поставщика главным образом необработанного сырья, сельскохозяйственной продукции, в первую очередь, зерна, которое охотно принимали внешние рынки, одним словом, «даров природы».

Николай I попытался остановить процесс перехода экономики страны на рельсы зависимого, западно ориентированного пути развития. В то время фактором сдерживания и переориентации могло быть только всемерное усиление бюрократического аппарата государства. С его помощью Николай I начинает осуществлять хозяйственные проекты, развивать сеть научных учреждений в русле антизападнической исторической традиции. Складывается российское национальное самосознание. После 1856 года ситуация быстро меняется самым коренным образом. Начинается форсированное движение страны по направлению к капитализму западного образца.

Делая упор на российскую отсталость от передовой и бурно развивающейся Западной Европы, либералы видели в ней спасение России. Но одновременно в стране возникает народничество с его антикапиталистической идеологией как закономерная реакция на стремительное насаждение в стране буржуазных порядков. Критика народников русскими марксистами, а затем партийными идеологами в советское время на долгие годы сделала невозможным объективное рассмотрение экономических взглядов народников. И кстати, еще во второй половине XX в. они привлекли внимание зарубежных исследователей в связи с изучением ими стран «периферийного капитализма». В позднее советское время некоторые отечественные исследователи стали подчеркивать важность изучения поисков альтернативы западному пути развития для дореволюционной России, которые вели в то время народники. В частности, В.Г. Хорос говорил о том, «что народничество можно интерпретировать как средство более гармоничной и менее болезненной для традиционного населения модернизации», хотя при этом и упоминалось про утопичность экономической стратегии легальных народников. В настоящее время сложились условия для более взвешенной и объективной оценки взглядов легального народничества, что очень важно для понимания самой сути концепции некапиталистического социализма, ее возможностей для осознанного выбора страной национального пути развития.

Теоретики легального народничества В.П. Воронцов и Н.Ф. Даниельсон, отталкиваясь от некоторых славянофильских идей и русского социализма, выдвинули и попытались обосновать стратегию некапиталистического пути развития России. Объяснение ему они находили не в каких-либо национальных чертах русского характера, а в особенностях исторического прошлого страны.

В.П. Воронцов много размышлял над судьбой капитализма в России. «Новейшее капиталистическое течение никоим образом не может быть признано естественным, органически законным продуктом предшествующей истории. Капитализм врезался в нее со стороны». Сельская поземельная община, как и артель, являются важнейшими факторами, определяющими историческое своеобразие экономической, политической и социальной жизни общества.

В.П. Воронцов неоднократно отмечал, что капитализм в XX в. стал неотъемлемой частью российской жизни, но вопрос **состоял** в том, каковы будут последствия такого выбора. Он подробно показывает на огромном статистическом материале, что капитализм способствует росту бедности населения, отмечает творческое бессилие капитализма в России, который играет в стране антихозяйственную роль, «проявляет разрушительное влияние на мелкое производство, нежели исполняет свою настоящую миссию – **организации** общественной формы труда».

Российский капитализм опоздал со своим появлением на свет. Результаты его влияния на народное хозяйство совсем иные, чем на Западе. Промышленность не может развиваться, поскольку иностранные рынки уже все захвачены другими странами. Покупательная способность масс **весьма низкая**, в силу этого сельское хозяйство не может **совершенствовать** **развивать** животноводство и технические культуры. Механизм капиталистического спроса и предложения не работает в стране на повышение материального благополучия народа.

«Суммируя всё вышесказанное, – пишет В.П. Воронцов, – мы имеем право сказать, что здоровой экономической политикой в России, соответствующей как естественным условиям нашей страны, так и общественной обстановке, созданной новейшими условиями мирового хозяйства, будет развитие самостоятельного народного общественного (не капиталистического) производства на почве единения земледельческого и промышленного труда». Одними из первых в мировой экономической мысли народники предприняли попытку выработать экономическую модель, отличную от западной. Это – многоукладное хозяйство, соединение сельской поземельной общины и мелкой промышленности, сосредоточенной в руках артелей, активная роль государства в организации экономической жизни и в проведении индустриализации, учет исторической неравномерности развития мирового капитализма того времени, в том числе, механизма формирования прибыли в странах развитого капитализма.

В.П. Воронцов, по справедливому утверждению польского ученого А. Валицкого, «не был противником индустриализации и обвинял русских марксистов в том, что они отождествили индустриализацию с индустриализацией капиталистической». Впрочем, предлагая некапиталистическую индустриализацию, легальные народники, отказываясь от борьбы за политические цели в пользу социальных (экономических) целей, довольно смутно представляли себе, при каких условиях и при какой политической форме государство сможет проводить в жизнь некапиталистическую программу развития экономики, создания современной индустрии, хотя идея эволюционного социализма была им близка, и они ее разделяли.

В.П. Воронцов подчеркивал, что благополучная судьба нескольких развитых стран не составляет всего содержания всемирной истории. На Западе растущий капитализм опирался сначала на эксплуатацию стран, отсталых в экономическом и культурном отношении. Это обстоятельство не дает нам права утверждать, пишет В.П. Воронцов в «Судьбе капиталистической России» (1907 г.), почти дословно повторяя слова К. Маркса, «что хозяйственное развитие по типу, указанному Западной Европой, есть процесс общий

и однообразный, приводящий к одинаковым результатам всякую страну, выходящую из инертного состояния».

Для К. Маркса был очевиден тезис об искусственном происхождении русского капитализма. Он хотел, чтобы русские защитники капиталистического развития России объяснили ему, «каким образом могли ввести у себя, можно сказать, в несколько дней механизм обмена (банки, кредитные общества и т. п.), выработка которого потребовала на Западе целых веков?». Социолог А.И. Кравченко, комментируя подготовленный им к печати сборник работ В.П. Воронцова, вновь напоминает о том, что К. Маркс вполне допускал не один, а два перехода к социализму – наряду с западноевропейским и восточноевропейским. Более того, К. Маркс фактически солидаризовался с народниками в том, что русская община может явиться основой иного типа общественного развития. Это видно из его письма Вере Засулич. В научной литературе много раз обсуждался вопрос, можно ли говорить, что К. Маркс разделял многие представления народников о будущем России.

Идея некапиталистического пути развития базируется на признании крайне неравномерного развития мирового капитализма, которое делает догоняющую модель развития для отставших стран неработающей, нереализуемой. Можно высказать предположение, что отмеченная народниками неравномерность развития капитализма была, по-видимому, замечена В.И. Лениным и использована им при написании работ по империализму и обосновании положения о России как об узловом пункте противоречий эпохи империализма.

В.П. Воронцов не противопоставлял жестко народничество и марксизм. Он отмечал в статье с характерным названием «Неомарксизм и русская действительность» противоречие между отечественным идеологическим марксизмом (который применяет для России общий для всех стран шаблон) и теоретическим марксизмом, учением К. Маркса. В.И. Ленин в 90-е годы XIX – начале XX века резко критиковал народников, однако после революции его отношение к их идеям заметно изменилось.

После окончания гражданской войны, когда встал вопрос о дальнейшем развитии Советской России, Ленин выдвинул идею нэпа, которая в ряде существенных моментов опиралась на идеи народников, например, на использование кооперации, потенциала многоукладной экономики. Н.И. Бухарин также в это время пересмотрел свою непримиримую позицию к народникам. Некапиталистический путь развития был единственно возможным решением вопроса о восстановлении и дальнейшем подъеме народного хозяйства при условии сохранения социалистической перспективы развития страны. Среди важнейших задач нэпа было освобождение крестьянского хозяйства от продразверстки и замена ее продналогом, поощрение на селе в первую очередь, сбытовой и снабженческой, а также и производственной кооперации, развитие мелкого и среднего частного предпринимательства, развитие рыночных отношений и установление на этой основе «смычки» между городом и деревней. Одновременно ставилась задача всемерного развития государственного (социалистического) сектора в промышленности. Борьба между капитализмом и социализмом, по мысли В.И. Ленина, должна была развертываться исключительно в экономической сфере. Политическая власть принадлежит социалистическому государству, которое старается не допустить политической борьбы за власть между сторонниками капиталистического и социалистического путей общественного развития. Пролетарская власть укрощает дикий капитализм, переводя его в режим организованного государственного капитализма, и может допустить в органы власти только лояльных представителей капитала.

И.К. Пантин в своей новой книге о русской революции подчеркивает всю значимость сегодняшнего изучения нэпа как некапиталистического пути. Но при этом он считает, «что избранный Россией (СССР) *некапиталистический* путь вовсе не являлся социалистическим в собственном смысле слова. Естественный ареал некапиталистического пути в нашей стране – «догоняющая» модернизация, создание условий, экономических, политических,

культурных, для превращения страны в современное государство. Далее – либо пространство неизведанного, либо попятное движение к частно-собственническому капитализму, пусть и в современных его формах». В другом месте автор высказывается более определенно в отношении построенного в стране социализма. Вместо социализма имели место иллюзорно-утопическая (в силу отсталости страны) «социалистическая» оболочка планов и намерений», <...> «иллюзорно-социалистический характер идеологии», <...>: утопия «строительства социализма в одной стране». Хотелось бы поспорить здесь с позицией автора. Если мобилизационный тип развития приводит к созданию промышленности как основы современного общества, то, как же все-таки быть относительно его общественно-политического строя? Если это не социализм, если сложившийся строй ничего общего с социализмом не имеет, тогда это просто тоталитаризм и потому оказывается исторически закономерным возвращение России к капитализму в начале 90-х годов. Но нам представляется более правильным другое решение проблемы.

В.И. Ленин пишет о том, что основная, решающая задача нэпа – это установление смычки между строительством новой, социалистической экономики и крестьянской экономикой. Только отступив, мы сможем «сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами». Эти слова очень близки по духу к тому, что говорили народники о некапиталистическом пути развития, опирающемся на постепенное развитие земледельческой общины, общинно-землевладельческих отношений, артельного производства. Но история не предоставила стране таких возможностей медленно и всем вместе двигаться и с точки зрения мировой обстановки, и с точки зрения угроз термидора, термидорианского переворота – перерождения власти под напором успехов капиталистического уклада в экономике, громадного роста класса мелкой буржуазии, его стремления добиваться политической власти. Тогда стране реально бы угрожало возвращение на путь зависимого и отсталого капитализма в условиях глубокого спада революционной активности в странах Западной Европы и растущей их агрессивности в отношении Советского Союза и более того, всего русского.

Две наиболее значимые черты некапиталистического пути развития в значительной мере учитывались в политике нэпа. Это опора на историческую традицию в самом широком смысле и использование достижений собственного капиталистического уклада. При переходе к мобилизационному типу развития происходит оборачивание способа движения по некапиталистическому пути в том смысле, что коренным образом меняется как отношение к традиции, так и к капиталистическому укладу. Посмотрим, в чем заключается историческая необходимость и исторические последствия такого изменения способа движения.

В тех конкретных условиях нэп был гениальным, но, на мой взгляд, преждевременным решением с точки зрения возможностей успешной реализации этой политики, переводящей движение страны на путь эволюционно развивающегося по мере его успехов некапиталистического социализма. Для успешного проведения такой политики нужны были более благоприятные внешние условия, а также теоретически и идеологически более подготовленные управленческие кадры для эффективного управления сложнейшими социально-экономическими процессами, более мощный социалистический, государственный уклад хозяйства. Превентивная борьба против термидора привела к переходу на некапиталистический путь строительства социализма иного, форсированного типа.

Чем опаснее термидор, (а в России была реальная, вероятная и даже весьма вероятная его победа), тем решительней должен быть осуществлен разрыв с теми двумя названными выше главными чертами эволюционного некапиталистического пути социалистической ориентации. Конечно, полностью в реальной жизни осуществить его невозможно. На смену медленному продвижению вперед приходит мобилизационный, форсированный тип

развития как его антитеза. Коренным образом меняется отношение к капиталистическому укладу, который фактически ликвидируется при сохранении его аграрных и индустриальных производственных основ. Меняется и отношение к крестьянской массе. Вместо установки на достижение согласия, которое и ведет к «бесконечно медленному» продвижению власти вместе с единой крестьянской массой приходит не только добровольное, но и во многом насильственное ее подчинение целям мобилизационного развития. Тупиковая ситуация разрешается по принципу «третьего пути», как и в Октябре 1917 года. Можно сказать, совершается исторический рывок «в сторону», напоминающий обходной маневр наступающего войска.

Ученые и особенно публицисты нередко обвиняют советскую власть в том, что она в 20–30-е годы решительно порывает с многовековыми традициями вместо того, чтобы опереться на них при движении к новому общественному строю. Однако традиция в первое десятилетие советской власти была настолько мощной, что движение вперед могло быть при согласии с ней, как заметил В.И. Ленин, бесконечно медленным. Чтобы опереться на традицию, нужно сначала понять, как нужно с ней обращаться. Она должна быть творчески переформатирована и, стало быть, избирательно переосмыслена – как ее содержание, так и социальные и культурные функции. Для этого нужно сначала отойти от неё, осуществить разрыв с ней, но чем она мощней, тем труднее оторваться от неё. Отрыв исторически необходим. Традиция не только не помогает движению вперед, но и грозит поглотить ростки нового, втянуть их в себя, переварить и тем самым изменить их содержание. Но отрыв от традиции приносит огромные издержки обществу, как и отказ от рыночных механизмов в экономике.

В годы форсированной индустриализации и коллективизации страны в условиях «осажденной крепости» была построена универсально-административная модель социализма. Но отрыв от традиции лишает возникающий социализм исторической перспективы в том смысле, что он опирается, прежде всего, сам на себя, на свою административную силу, а затем уже на творчество и самодеятельность масс. По этой причине переосмысление исторической традиции, возможности ее использования начинаются сразу же, примерно в середине 30-х годов, как только обозначились контуры сталинского (советского) социализма. В предвоенные годы и в годы Великой Отечественной войны военно-патриотическая традиция возвратилась в сознание народа, в общественную мысль. Победа дала мощные импульсы к укреплению духовно-идеологического единства советского народа. Началось движение, хотя одностороннее и противоречивое, к более глубокому пониманию исторической традиции.

Мобилизационный тип движения советского общества по пути некапиталистического развития имел как начало, так и конец. Универсально – административный социализм был похож на могучее растение, выращенное в тепличных условиях. Но едва страна открылась миру в середине 50-х годов прошлого столетия, как возникла задача пересадки тепличного растения в естественную почву. Теперь социализм должен был обрести свои исторические корни, переосмыслить отношение к традиции. Исключительная сложность проблемы заключалась в нахождении правильного продолжения некапиталистического пути развития социализма после окончания мобилизационного периода развития страны, а именно, в нахождении способов преодоления отрыва от традиции, в полноте ее переосмысления и возвращения к ней. Но не только пересмотреть отношение к историческому прошлому, но и к капитализму во всем объеме полученных им результатов. Это привело бы к значительному обогащению сложившегося к тому времени общества реального социализма, к переводу его на рельсы цивилизационного социализма, который мог сделать огромный рывок вперед.

Интересный пример творческого решения проблемы по модели «третьего пути» можно обнаружить в размышлениях известного отечественного философа М.А. Лившица о поразительных особенностях творчества А.С. Пушкина. Огромная трагедия «зрелого» А.С. Пушкина состоит в одиночестве, которое, в конечном счете, имело свой смысл в

неравномерности, неорганичности российской истории. Неповторимость пушкинской классики, в отличие от западноевропейского Ренессанса, заключалась в том, что его творчество непосредственно не опиралось на живую народную основу, сложившуюся, по крайней мере, в допетровской Руси. Пушкин пишет о том, что, к сожалению, старой словесности не существует. За нами темная степь – на ней возвышается единый памятник «Песнь о полку Игореве». Пушкину в силу этих объективных причин пришлось идти как бы «сверху вниз» и проделать обратный путь. Пушкинское творчество – это движение по иному «третьему» направлению – по пути максимального совершенствования художественной формы. Пытаясь объяснить это поразительное явление, М.А. Лившиц приходит к парадоксальному выводу о том, что «Пушкину вообще удалось пройти между реакционной защитой старины и апологией буржуазной цивилизации». И далее. «Его поэзия, если можно употребить это выражение, «борется на два фронта». Несмотря на некоторую, на наш взгляд, прямолинейность этой формулировки из нее явственно следует тот факт, что видимо, существует некая закономерность, когда противостояние, борьба двух полярных, противоположных сторон в историческом процессе препятствует дальнейшему развитию, в том числе и в мысленной, интеллектуальной сфере. В этом случае объективно складывается ситуация альтернативного пути, «ход в сторону», обходной маневр, который не предусмотрен однолинейной логикой прежнего развития. Перед теми, кто вступил на этот «третий путь» открываются совершенно иные перспективы, иные возможности движения к новым вершинам творчества или исторического процесса.

Конечно, всякие аналогии хромают, но возникновение абстрактно идеальной модели социализма стало возможным тогда, когда при его теоретическом и практическом создании были отринуты в сторону, как существование исторической традиции, так и механизмы воспроизведения «буржуазности», выступавшей формой бытия человеческого поведения и общественно-значимого действия в западном обществе. Хотя герменевтический анализ текстов руководителей тех времен, помещенных в широкий контекст эпохи, несомненно, обнаруживает то, что было проигнорировано самими создателями этой модели социализма. В начале 60-х годов на первое место государство выдвигает борьбу за все более полное удовлетворение материальных потребностей советских людей, с высоких трибун стали говорить о материальном изобилии через 20 лет, – в начале 80-х годов. Высокие духовные идеалы и цели неизбежно в такой ситуации начинают отодвигаться на второй план. К концу 70-х годов идеи социализма во многом потеряли в глазах миллионов советских людей свой жизненный смысл и привлекательность. Советский социализм не смог поставить и решить задачу соединения социализма и исторических, цивилизационных традиций, формирования отношений творческого заимствования к достижений высокоразвитых капиталистических стран особенно в связи с развернувшейся на Западе новой технологической революцией. В 60-е годы начались ожесточенные дискуссии между западниками (шестидесятниками) и деревенщиками в литературе и в публицистике. Проблемы исторических корней советского социализма, пересмотра отношения к современному капитализму стали понемногу обсуждаться в отечественной науке и публицистике, но партийные идеологи разрешали это делать неохотно и жестко пресекали то, что было названо ими инакомыслием. Здесь и возникает тот самый гамлетовский вопрос: быть или не быть социалистическим тому строю, который был построен к концу 30-х годов. Наиболее распространенные его определения, которым нередко придают разные ценностные смыслы – это универсально-административный социализм, государственный социализм, реальный социализм, социализм с советской спецификой. В любом случае дальнейшая трансформация социализма, несомненно, имела место, но она носила весьма противоречивый характер. А вот с чем его соотносить – с европейским социализмом или с определенной ступенью, этапом некапиталистического пути движения к социализму? Ведь получается в понятийном плане довольно странная ситуация. О сталинском или советском социализме говорят как об иллюзорном социализме или псевдосоциализме. Но точно также говорят о сегодняшнем капитализме в России как о псевдокапитализме, о демократии как псевдодемократии, о

гражданском обществе, как о псевдогражданском обществе и т. д.. Но эталон сравнений и социализма, и капитализма получается один – (западный) европейский с его видением однолинейного пути развития человеческого общества как универсального. И здесь близок к либерализму по постановке вопроса европейски ориентированный марксизм, который хотя и видит историческую ограниченность западного капитализма и либерально-демократического государства, но их историческое движение он мыслит по большому счету в направлении только к посткапиталистическому социализму. Но применим ли этот подход к современной России? Следует изменить точку отсчета и взять за нее некапиталистический путь развития социализма.

5. Национальный путь развития современной России как «третий путь»: анализ возможностей

В конце 70-х годов XX века на мировой арене появляется «новый» Китай, который после смерти Мао Цзедуня решительно пересматривает цели и задачи социалистического строительства. Китай показал возможность восстановления утраченной связи с естественным ходом своего исторического развития, нарушенного в 40–50-е годы XIX века агрессией со стороны Англии, Франции, других колониальных держав. И не только показал эту возможность как теоретическую, но и отстаивал право на реальное независимое движение по этому пути. Может ли совершить сегодня такой поворот Россия так, как это сделал Китай?

По сравнению с Китаем современная Россия находится в совершенно другой ситуации. Китайский путь в принципе был возможен для перестроечной России. Об этом шли бурные дебаты в конце 80-х годов. Но утрата социализма в начале 90-х годов перевела эту проблему в сферу собственно теоретической рефлексии. С этого момента можно было говорить главным образом о том, насколько еще сохранились возможности некапиталистического пути развития, о котором впервые заговорили легальные народники в последней трети XIX века. Сегодня Россия не приближается к некапиталистическому социализму, а, напротив, отдаляется от него. То, что делает страна с экономикой, не только не вносит ясность в вопрос о ее будущем, но загоняет страну в обозримой перспективе в тупик, аналогичный столетней давности, в тупик периферийного - зависимого и отсталого капитализма.

Западные страны вовсе не радуют возможность появления экономически и политически сильной России. Против страны ведется большое число информационных войн, цель которых изменение сознания российских людей, политического курса и, в конечном итоге, дезинтеграция Российской Федерации. Запад открыто поддерживает либерально-радикальные и сепаратистские силы в стране. Это ни для кого не секрет. Выбраться с дороги зависимого и отсталого капитализма можно. Но необходимо изменить стратегические цели развития, ясно и доходчиво их сформулировать. Пока на сегодняшний день сохраняется достаточно крепкое централизованное государство. Это большое преимущество и достижение нынешнего руководства страны. Поэтому так велика критика со стороны радикальных либералов института президентства, как имперского пережитка, других, с их точки зрения, ограничений в политической сфере жизни. Стремление к разрушению централизованного государства, установлению буржуазной парламентской республики и к реализации западных принципов демократии как универсальной ценности грозит России как огромному государству, обрамляющему уникальную многоэтничную и многоконфессиональную цивилизацию, неизбежным распадом.

Защита суверенитета, национального достоинства, наступательная позиция в вопросах внешней политики – это очень много на сегодня, но этого явно недостаточно. Сохранение нынешнего состояния, в котором самым причудливым образом сочетается сильное централизованное государство и либеральная рыночная экономика ведет к постепенной, но неуклонной деградации всех сфер общества, особенно социальной сферы, порождает

многочисленные проявления, казалось бы, навсегда забытой архаики в ее современных обликах.

Различные обсуждения социалистической перспективы для России не имеют сегодня никакой общей платформы, они проходят обособленно, в пределах отдельных групп и объединений единомышленников. Наиболее серьезные разработки проводятся школой «критического марксизма», имеющей отчетливо выраженное видение социализма как посткапиталистического социализма. С прямо противоположных позиций обсуждаются вопросы русского социализма, который, так или иначе, интерпретируется как православный социализм. Если в первом случае историческая традиция рассматривается как подлежащая преодолению, то при втором подходе доминирует практически полностью историческая традиция при активном неприятии капитализма, частной собственности, рынка, других его атрибутов.

В этой ситуации было бы важно обратить особое внимание на «третий путь», уходящий своими корнями в некапиталистический социализм, впервые теоретически обозначенный русскими народниками и продолженный в советское время, а теперь и Китае. В либеральных кругах любые попытки обсуждения взглядов народников по поводу некапиталистического пути развития для России вызывают негативную реакцию, они видят во всем этом лишь некую ностальгию и возвращение к архаике. Однако ситуация, сложившаяся в мире в связи с кризисом глобального капитализма, с одной стороны, и поразительными успехами Китая, с другой стороны, позволяет говорить об актуальности и о новых реальных возможностях некапиталистического развития в современном мире. В этом можно видеть смысл различных дискуссий и предположений о том, что действительно стоит за постоянно присутствующими в мировой мысли неонародническими взглядами, ставшими особенно популярными со второй половины XX века.

Зарубежные теоретики мир-системного подхода при всех их расхождениях между собой едины в понимании бесперспективности развития стран незападного мира, оказавшихся на периферии капиталистической глобальной экономики. Эти страны никогда не смогут догнать ушедший далеко вперед в своем развитии евроатлантический Центр при сохранении сложившейся системы глобальных экономических отношений. Недоразвитая и зависимая экономика стран периферии сложилась в результате многовековой как материальной, так и социальной и культурной экспроприации этих стран со стороны Запада, что привело к постоянному воспроизводству в них обширных зон бедности и нищеты, традиционной социальной структуры, к отсутствию устойчивых внутренних импульсов к развитию. Выход из исторического тупика для стран периферии сегодня может быть один – им нужен не просто пересмотр своих отношений с капитализмом, находящимся в кризисе, им нужна реальная альтернатива в виде иного пути развития. Это положение давно уже является аксиомой, но ему активно противостоят неолиберальные глобалисты с их тщетными поисками капитализма с человеческим лицом.

С начала 50-х годов прошлого века Китай приступил к выработке принципиально иной концепции модернизации, смысл которой в полной мере проявился несколько позже в 80—90-е годы. При Мао Цзедуне Китай сделал первые практические шаги по социалистическому пути. С этого времени начинается формирование в китайском обществе взгляда на свой собственный социализм как на некапиталистический социализм, индустриальные производительные силы которого не создаются в рамках достигающего своей зрелости капиталистического строя. Отсюда проистекала особая роль государства в собирании и сохранении такового огромного государства с тысячелетними традициями, каким был и остается Китай. С приходом к власти Дэн Сяопина начинается признание традиционной культуры и конфуцианства квинтэссенцией китайской культуры. Конфуцианство постепенно становится духовной силой модернизации и обновления китайского общества, строительства социализма с китайской спецификой, что, прежде всего, предполагало переосмысление норм и обычаев традиционной культуры, обретение ими своего важного места в современном обществе. Обращение к традиции вместе с тем

дало возможность найти пути и средства для втягивания народных масс, различных социальных слоев в осуществление некапиталистической модернизации по принципу - все вместе, потому что такая некапиталистическая, а, точнее говоря, социалистическая модернизация несет в общем-то сразу зримые материальные и социальные выгоды всем людям, участвующим в её осуществлении. На достижение этих целей и направляется все эти годы и десятилетия деятельность государственных институтов власти и создаваемой ею прагматистской идеологии.

Преодоление отсталости на путях некапиталистического социализма предполагает, как отмечает известный теоретик мир-системного подхода Самир Амин, de-linking, другими словами, отсоединение страны от глобального капитализма. Это сегодня сложнейшая и далеко не решенная проблема, требующая особого обсуждения. Здесь нужны скоординированные усилия, в первую очередь, больших государств-цивилизаций в целях совместного создания эффективного механизма и надежных военно-политических гарантий для реализации каждой из них некапиталистического развития, имеющего своей целью социализм, опирающийся на заново осмысленную цивилизационную специфику.

Таким образом, речь идет о другом пути развития, не противостоящем западноевропейскому (западному) пути, но ставящему перед собой иные цели, и формирующему иную систему ценностей. Только согласится ли на это Запад, мечтающий о глобальном господстве над миром на основе его принципов? Тем более, что некапиталистический путь развития, уже получил и, несомненно, получит в будущем более широкое распространение. К примеру, Индия записала в преамбуле своей конституции, что (начало цитаты ?) Мы, народ Индии, торжественно решили «учредить Индию как... Суверенную Социалистическую Светскую Демократическую Республику...». Сложился ли в действительности некапиталистический путь развития в Индии или нет, это требует особого рассмотрения. Как впрочем, и в наиболее могущественной стране Латинской Америки Бразилии, правительство которой на протяжении последних десятилетий уделяет особое внимание решению острейших социальных проблем, созданию сильного социального государства на бразильской земле.

Много общего в исторических путях развития Китая и России с точки зрения тех последствий, которые испытали эти две страны, как государства-цивилизации во взаимодействии с западными странами, как Центром капиталистической мировой системы. В отношении Китая в статье было уже многое сказано, обратим внимание еще раз на российскую специфику. Важно четко выделять основные исторические этапы взаимодействия России с западным миром, то влияние, которое он оказывал и продолжает оказывать на направление и динамику развития страны, трансформацию ее цивилизационных особенностей в различные исторические периоды.

На протяжении нескольких столетий, примерно до середины XIX века, российское государство развивалось по восходящей линии. Оно имело самые разнообразные связи со странами Западной Европы, многое восприняло и усвоило на свой лад, но при этом государство-империя развивалось в соответствии со своей постоянно обогащавшейся цивилизационной спецификой. Трансформации российского общества были исторически обусловлены, царская власть проводила экономические реформы с целью преодоления отставания от наиболее развитых стран Западной Европы. И потому эти изменения в стране в целом не могут ставиться под сомнение, а тем более подвергаться отрицанию как результаты только враждебного влияния Запада.

В 60-е годы XIX века начинается принципиально новый период в историческом развитии Российской империи, происходит цивилизационный её надлом, затем открытый кризис, который заканчивается ее распадом и гибелью. Цивилизационные черты, свойственные империи, которые она приобретает в последующие десятилетия, становятся не такими однозначными, как в более раннее время. Во-первых, в российском обществе начинается насильственное во многом разрушение прежних добуржуазных по своей природе структур, прежде всего, общинных и сословных структур под ударами капиталистических по замыслу

реформ, что, однако, не принесло желаемых результатов. Оставалась незыблемой централизованная бюрократическая вертикаль власти во главе с самодержцем. Во-вторых, власть начинает принимать защитные меры от разрушения империи. Некоторые из них – поддержка русского национализма, ее стремление остановить требования федерализации, идущие из различных регионов страны, усиление борьбы против сепаратистских устремлений национальных окраин империи, направленных, в конечном счете, на отделение от имперского государства. Всё это потребовало ужесточения внутренней политики, вплоть до подавления восстаний на окраинах и многого другого. И, в-третьих, в 30-50-е годы XIX века, мы уже говорили, были заложены основы некапиталистического пути в виде централизованной, бюрократической империи, которая осуществила в лице Николая I первую историческую попытку обозначить контуры некапиталистического пути развития. Она закончилась неудачей и не могла ни кончиться подобным образом. В новую пореформенную эпоху вновь становятся актуальными, но уже в другом формате идеи национального пути развития страны в обход капитализма с тем, чтобы избежать всех его бед, безмерно тяжелых для населения на ранних этапах становления капитализма. Оценка цивилизационной специфики пореформенной Российской империи является, поэтому, особенно сложной. Здесь важно не допустить идеализации тех результатов, которые получила Россия, когда пошла по пути форсированного развития капитализма. Ведь в тех исторических условиях переход к капитализму западноевропейского типа как общественного строя был исторически невозможен, но и периферийный полукOLONиальный капитализм не устраивал ни защитников Российской империи, ни западных буржуазных либералов. Выход был найден Октябрьской революцией 1917 г. в виде социалистической перспективы как «третьего пути», т.е. хода в сторону с целью обойти капитализм как стадию общественного развития.

Если брать общую линию развития, то Россия продолжила после революции 1917 г. свой некапиталистический путь, сначала далеко не всегда понимая, как нужно относиться к своему историческому прошлому. За это, в частности, и поплатился Советский Союз, хотя ему помог развалиться Запад. В культурно-историческом, цивилизационном наследии Советского Союза, важно выделять, в первую очередь, человеческий, гуманистический потенциал нового общественного строя, который в наибольшей степени нашел воплощение в советской художественной культуре. Интерес представляет точка зрения Л.А. Булавки, согласно которой «советская культура – это идеальное «советского социализма». Идеал советской культуры заключался в стремлении к освобождению общества и человека от всех форм отчуждения – от власти, собственности, культуры. Субъектом в художественной культуре выступал конкретный индивид, который своим поведением показывал, как возможно и как достижимо преодоление в той или иной форме явлений отчуждения и, прежде всего, отчуждения от своего права на участие в управлении обществом, отчуждения от государственной собственности, которая называлась общенародной. Отсюда полные драматизма отношения между догматической идеологией и подлинно гуманистической, особенно художественной культурой, лучшие произведения которой и сегодня оказывает огромное влияние на образ жизни и мысли российских людей.

Сегодня в российском общественном сознании отсутствует национальное согласие относительно общих ценностей и целей российского общества. В центре всех дискуссий и словесных дуэлей является российское государство и его конституция, которая фактически является Общественным Договором между различными политическими партиями, общественными движениями, всеми слоями и классами общества. Обретение российской идентичности, познание цивилизационной природы государства начинается с установления прочного национального согласия по вопросам конституционного устройства страны. Именно в нем находит, прежде всего, выражение тот факт, что Россия есть огромное и весьма сложное государство-цивилизация, которая состоит из целого ряда уникальных миров как этнических, религиозных, так и региональных (Сибирь, Дальний Восток, Кавказ).

Такого рода государства-цивилизации как Россия без духовно-идеологического единства его населения с неизбежностью впадают в кризис и, в обозримом будущем разрушаются. Выбор национального пути в принципе может и видимо должен **в обозримом будущем (повтор)** сделать устаревшей, отодвинутой в прошлое, циклическую модель развития российского общества.

Вообще сознание российского, русского человека весьма болезненно воспринимает угрозу распада государства, его базовых скреп и наступление смутного времени. И для этого есть много причин, в том числе и примеров из собственной истории.

Циклический характер российской истории во многом напоминает и созвучен с циклическим характером развития Китая. Если вести отсчет циклов только от смуты начала XVII в., то Россия сегодня находится в границах третьего цикла в своем развитии. Первый цикл – 1613–1917 годы. Второй цикл. 1917–1991 годы, он включает 1917 год – год распада Российской империи и наступление смуты (хаоса), затем сборку на новых основаниях Российского государства – СССР, достижение СССР статуса сверхдержавы и высоких социальных стандартов в 60–80-е годы XX века и, наконец, опять хаос и смуту, рожденные в ходе перестройки и распад государства. С 1991–1993 гг. Россия вступила в новый цикл развития, каким он будет, покажет время.

В последние десятилетия происходит буквально насильственное втягивание России на неестественный для нее путь, который противоречит всей ее сложившейся исторической цивилизационной традиции. Если теоретически национальный путь видится как «третий путь», путь некапиталистического социализма с опорой на глубинную историческую традицию, экономические достижения современного капитализма, то практически мы движемся в другом направлении в отличие от Китая. Сегодня именно в этом главная опасность для России. Коренной вопрос, который предстоит решить российской истории, заключается в том, состоится или не состоится переход страны на собственный, национальный путь развития. Трудности здесь многократно усугубляются тем, что собственный путь России – это не просто альтернатива Западу, но и вызов Западу. Не в смысле того, что Россия своим выбором отменяет западный путь развития, а в том смысле, что она тем самым вынуждает его считаться с другой, альтернативной линией развития, которую будут выбирать в перспективе, как мы надеемся, все большее число государств-цивилизаций.

Конечно, с точки зрения внутренних процессов, протекающих в стране, теоретически сохраняется возможность совершения перехода на альтернативный путь развития. Возрастание давления на власть как слева, так и со стороны защитников исторической традиции, трезвая оценка самой властью внешних угроз, негативно сказывающихся на темпах и результатах экономического развития страны, может дать давно ожидаемую смену стратегической перспективы для России XXI века.

Список литературы

XVIII Всекитайский съезд КПК. Китайская мечта и мир / Под ред. Хуан Хуагуана и Луань Цзяньчжана. Пекин: Изд-во лит. на иностр. яз., 2013. 432 с.

Аверьянов В. Империя и воля. М.: Кн. мир, 2014. 384 с.

Арриги Дж. Адам Смит в Пекине. Что получил в наследство XXI век. М.: Ин-т обществ. проектирования, 2009. 455 с.

Багдасарян В.Э. Россия как государство-цивилизация. URL: http://www.intelros.ru/pdf/synergia_17_09/11.pdf (дата обращения: 30.10.2015).

Батистрада Ф. Народничество и большевизм // Свободная мысль. 1991. № 16. С. 9–16.

- Бенуа А.де.* Идея империи // *Бенуа А. де.* Против либерализма. К четвертой политической теории / Пер. с фр. А. Дугина и др. СПб.: Амфора, 2009. С. 437–462.
- Бердяев Н.* Судьба России. М.: Изд-во МГУ, 1990. 256 с.
- Бердяев Н.* Философия неравенства. М.: ИМА-пресс, 1990. 288 с.
- Бжезинский З.* Шахматная доска / Пер. с англ. О.Ю. Уральская. М.: Международ. отношения, 1998. 255 с.
- Бродель Ф.* Грамматика цивилизаций / Пер. с фр. Б.А. Ситников. М.: Весь Мир, 2014. 560 с.
- Бузгалин А.В.* Ренессанс социализма. М.: УРСС, 2003. 510 с.
- Булавка Л.А.* Советская культура как идеальное СССР // Культура. Власть. Социализм / Под ред. Л.А. Булавки. М.: ЛЕНАНД, 2013. С. 94–134.
- Булгаков С.Н.* Война и русское самосознание // *Булгаков С.Н.* Труды по социологии и теологии: в 2 т. Т. 2: Статьи и работы разных лет. 1902–1942. М.: Наука, 1999. С. 143–171.
- Был ли у России выбор? (Н.И. Бухарин и В.М. Чернов в социально-философских дискуссиях 20-х гг.). Сб. статей / Отв. ред. Б.В. Богданов. М.: ИФ РАН, 1996. 175 с.
- Валицкий А.* Русский социализм и народничество. URL: http://www.situation.ru/app/j_jn_7.htm (дата обращения: 27.02.2016).
- Воеводина Т.* Зачем ставят памятники Сталину? URL: <http://zavtra.ru/content/view/zachem-stavyat-pamyatniki-stalinu/> (дата обращения: 24.01.2016).
- Воронцов В.П.* От семидесятых годов к девятисотым. Сб. ст. СПб.: Кн. маг. «Наша жизнь», 1907. 236 с.
- Воронцов В.П.* Экономика и капитализм. Избр. соч. М.: Астрель, 2008. 981 с.
- Государство-цивилизация. URL: <http://www.dergachev.ru/Russian-encyclopaedia/04/134.html> (дата обращения: 28.10.2015).
- Государство-нация или государство-цивилизация. URL: <http://www.contrtv.ru/common/121> (дата обращения: 03.01.2015).
- Грамии А.* «Революция против Капитала». URL: http://libelli.ru/magazine/98_3/i.htm (дата обращения: 18.2.2016).
- Грачев Н.И.* Империя как форма государства: понятие и признаки // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 5. «Юриспруденция». 2012. № 2 (17). С. 4–5.
- Гумилев Л.Н.* От Руси до России. Очерки этнической истории. М.: Комсомол. правда; Директ-Медиа, 2015. 368 с.
- Гумилев Л.Н.* Ритмы Евразии. М.: Экопрос, 1993. 576 с.
- Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 574 с.
- Девятков А.П.* Китайская специфика: как понял её в разведке и бизнесе: для тех, кто принимает решения. М.: Жигульский, 2008. 253 с.
- Документы третьего пленума ЦК КПК Китая 18-го созыва. Пекин: Изд-во лит. на иностр. яз., 2013. 126 с.
- Ермолина А.* Преподобный Максим Грек и царь Иоанн Грозный. URL: <http://www.vinograd.su/education/detail.php?id=42465> (дата обращения: 25.01.2016).
- Есть ли будущее у капитализма? // Сб. ст. *И. Валлерстайна, Р. Коллинза* и др. / Под ред. Г. Дерлугьяна. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. 320 с.
- Ильин В.* Подойдет ли России социал-капитализм? URL: http://www.zanauku.ru/index.php?option=com_content&task=view&id (дата обращения: 06.01.2016).
- Исаев Б.А., Баранов Н.А.* Политические отношения и политический процесс в современной России. СПб.: Питер, 2008. 395 с.
- Карпенко И.А.* Проблема интерпретации понятия пространства в некоторых концепциях мультивселенных современной физики // Филос. журн. 2015. Т. 8. № 3. С. 24–43.
- Карпец В.* Автаркия как сущее. URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2007/09/04/avtarkiya_kak_swee (дата обращения: 20.02.2016).
- Киреевский И.В.* Девятнадцатый век // *Киреевский И.В.* Полн. собр. соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Типогр. Император. Моск. ун-та, 1911. С. 85–108.

- Кирпичев В.* Зеркало для России: о чем молчит власть. URL: <http://e-libra.ru/read/250537-zerkalo-dlya-rossii-o-chem-molchit-vlast.h> (дата обращения: 20.07.2015).
- Конституция Индии. URL: <http://www.uznal.org/constitution.php?text=India&language=r> (дата обращения: 28.2.2016).
- Кравченко А.И.* Вступительная статья // *Воронцов В.П.* Экономика и капитализм. Избр. соч. М.: Астрель, 2008. С. 3–46.
- Кургинян С.Е.* Красная весна. М.: МОФ ЭТЦ, 2015. 384 с.
- Ленин В.И.* Политический отчет Центрального Комитета РКП (б) 27 марта // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 45. М.: Политиздат, 1970. С. 69–116.
- Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство // Поздняя осень России. М.: Аграф, 2000. 336 с.
- Лист Ф.* Национальная система политической экономии. СПб.: Изд. А.Э. Мартенс, 1891. 452 с.
- Лифшиц М.А.* Очерки русской культуры. М.: Акад. Проект; Культура, 2015. 751 с.
- Малер А.* Жан Тириар – имперская революция. URL: http://theory.nazbol.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=175:2009-04-29-07-06-04&catid=37:newsflash&Itemid=59 (дата обращения: 10.02.2016).
- Мамонтов В.Д.* Содержание экономического учения народников сквозь призму развития современного российского капитализма // Вестн. Тамбов. гос. ун-та им. Г.Р. Державина. 2011. Вып. 4. С. 19–27.
- Маркс К.* наброски ответа на письмо В.И. Засулич // *Маркс К., Энгельс Ф.* Полн. собр. соч.: в 50 т. Т. 19. 2 изд. М.: Политиздат, 1961. С. 400–421.
- Материалы Круглого стола «Les ressources naturelles, un bien commun?». URL: <http://www.repid.com/Les-ressources-naturelles-un-bien.html> (дата обращения: 10.02.2015).
- Мир за стеной // Русский репортер. URL: http://www.rusrep.ru/2009/13/krepostnoe_stroitelstvo/ (дата обращения: 15.07.2015).
- Миронова Т.* Броня генетической памяти. М.: Алгоритм, 2014. 352 с.
- Мокшин Г.Н.* Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX – начале XX в. Воронеж: Науч. кн., 2010. 298 с.
- Молотков А.Е.* Миссия России. Православие и социализм в XXI в. СПб.: Рус. остров, 2008. 399 с.
- Национальные концепции социализма и судьбы России / Под ред. Е.С. Троицкого. М.: Граница, 2004. 435 с.
- Некlessа А.* Северная Ромея. Рассуждение о русской идентичности. URL: http://www.intelros.ru/subject/karta_bud/15812-severnaya-romeya-rassuzhdenie-o-russkoj-identichnosti.html (дата обращения: 02.11.2015).
- Никольский С.А., Филимонов В.П.* Мирозерцание русского земледельца в отечественной философии и литературе второй половины XIX – начала XX в. (Философско-литературоведческий анализ) // *Вопр. философии.* 2005. № 5. С. 108–131.
- О делении христиан на православных, католиков и протестантов. URL: <http://newsland.com/user/4296724046/content/4182972> (дата обращения: 27.01.2016).
- О стратегии российского развития. Аналит. докл. / Под ред. В.И. Толстых. М.: Рус. путь, 2003. 391 с.
- Образ правителя в произведениях В. Мономаха и Д. Заточника. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/2438180/page:4/> (дата обращения: 20.01.2016).
- Павленко В.Б.* Российская идентичность как продукт взаимодействия цивилизаций // Транснациональные процессы: XXI в. М.: Соврем. экономика и право, 2004. С. 99–110.
- Павлов П.В.* Обоснование «третьего пути» развития российской истории и культуры // *Лифшиц М.А.* / Под ред. В.Г. Арсланова. М.: РОССПЭН, 2010. С. 367–404.
- Пантин И.К.* Русская революция: идеи, идеология, практика. М.: Летний сад, 2015. 294 с.
- Перевезенцев С.В.* Истоки русской души. Обретение веры. М.: Эксмо, 2015. 528 с.
- Пивоварова Э.П.* Социализм с китайской спецификой. М.: ИД «Форум», 2011. 351 с.

- Приватизация и суверенитет. URL: <http://pandoraopen.ru/2013-03-12/privatizaciya-i-suverenitet/> (дата обращения: 07.01.2015).
- Путин В.В. Выступление на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» // Вестн. рос. нации. 2013. № 6. С. 8–15.
- Путин подвел итоги 15-летия президентства. URL: <http://maxpark.com/community/politic/content/3422998> (дата обращения: 29.05.2015).
- Ремизов М. Проект Государство-цивилизация. URL: <http://www.apn.ru/publications/article1280.htm> (дата обращения: 21.12.2014).
- Рязанов Б.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб.: Наука, 1998. 796 с.
- Сидоренко Ю.И. Особенности психологии русского народа как фактор российской истории. URL: <http://glasnaroda.Opk.ru/viewtopic.php?id=41> (дата обращения: 30.01.2016).
- Славин Б.Ф. О социализме, свободе и тоталитаризме // Социализм-21. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма. М.: Культур. революция, 2009. С. 83–112. Слово Святейшего Патриарха Кирилла на XVII Всемирном Русском народном Соборе. URL: <http://www.vrns.ru/news/2237> (дата обращения: 23.05.2015).
- Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2009. 956 с.
- Соколова Р.И. Явное и неявное в политической стратегии // Политические стратегии Российского государства как философская проблема. М.: ИФ РАН, 2011. С. 131–191.
- Соловьев В.С. Значение государства // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1989. С. 549–561.
- Сомин Н.В. Православный социализм как русская идея. М.: б. и, 2015. 544 с.
- Социализм-21. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма. М.: Культур. революция, 2009. 720 с.
- Социалистический идеал и реальный социализм: Ленин, Троцкий, Сталин / Под общ. ред. И.Г. Абрамсона и др. М.: ЛЕНАРД, 2011. 616 с.
- Спиридонова В.И. Новые измерения глобализма и проблема консолидации российского общества // Социально-исторические и идейные основы современного государства / Под ред. В.Н. Шевченко. М.: ИФ РАН, 2014. С. 11–56.
- Спиридонова В.И. Российское пространство и власть над пространством в современном мире // Динамика взаимодействия внутренних и внешних факторов и вектор развития российского общества / Под ред. В.Н. Шевченко. М.: ИФ РАН, 2013. С. 67–116.
- Тарловский В. Государство и патернализм. URL: <http://www.eg-online.ru/article/281158/> (дата обращения: 03.01.2016).
- Титаренко М.Л. Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. М.: Памятники истор. мысли, 2008. 623 с.
- Тихомиров Л. Монархическая государственность. М.: ГУП «Облиздат, ТОО «АЛИР»», 1998. 672 с.
- Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад. М.: АСТ: Астрель, Владимир: ВКТ, 2015. 318 с.
- Федералист: политическое эссе А. Гамильтона, Дж. Медисона и Дж. Джея. М.: Прогресс, 1993. 570 с.
- Федотов Г. Русское религиозное сознание: киевское христианство, X–XIII вв. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Article/fed_russrel.php (дата обращения: 27.01.2016).
- Федотова В.Г. Модернизация Китая и её уроки для России // Филос. науки. 2015. № 1. С. 99–115.
- Фукуяма Ф. Сильное государство. Управление и мировой порядок в XXI в. / Пер. с англ. О. Колесников др. М.: АСТ, 2006. 224 с.
- Фурсов А.И. Будущее русской государственности: НАЦИЯ? ЦИВИЛИЗАЦИЯ? ИНОЕ? // Российская Федерация сегодня. 2011. № 6. URL: <http://www.russia-today.ru/tema->

- nomera/1847-andrej-fursov-budushhee-russkoj-gosudarstvennosti-naciya-civilizaciya-inoe.html (дата обращения: 18.10.2015).
- Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеев. М.: АСТ, 2006. 261 с.
- Холодная война 2.0.* М.: Кн. мир, 2015. 384 с.
- Хорос В.Г.* Идеиные истоки народнического типа в развивающихся странах. М.: Наука, 1980. 286 с.
- Шевченко В.Н.* Внешний фактор и развитие российского общества // *Динамика взаимодействия внутренних и внешних факторов и вектор развития российского общества.* М.: ИФ РАН, 2013. С. 8–66.
- Шевченко В.Н.* Социализм с китайской спецификой // *Свободная мысль.* 2015. № 6. С. 165–178.
- Шевченко В.Н.* Цивилизационный подход под огнем критики // *Вопр. философии.* 2016. № 2. С. 33–44.
- Шевченко В.Н., Соколова Р.И., Спиридонова В.И.* Современные проблемы российского государства. Философские очерки / Под ред. В.Н. Шевченко. М.: Прогресс-Традиция, 2015. 464 с.
- Шлезингер А.* (мл.) Циклы американской истории. М.: Прогресс-Академия, 1992. 688 с.
- Шпенглер О.* Закат Европы. URL: http://az.lib.ru/shpengler_o/text_1922_zakat_evropy.shtml (дата обращения: 28.06.2015).
- Шубарт В.* Европа и душа Востока. М.: Рус. идея, 2000. 446 с.
- Якунин В.И.* **Россия – это государство-цивилизация.** URL: <http://rusmirzp.com/2012/09/28/category/society/3479> (дата обращения: 30.10.2015).
- Ясперс К.* Смысл и назначение истории / Пер. с нем. М.И. Левина. М.: Республика, 1994. 527 с.
- Assayag J.* Quand guerre et paix s’emmêlent. Géopolitique des espaces imaginaires contemporains // *Cités.* P. 2005. No. 24. P. 85–102.
- Brunetteau B.* Génocide, dans *Dictionnaire de la violence.* P. 2011. URL: <http://www.yale.edu/gsp/publications/Debat-Kiernan.html> (дата обращения: 11.02.2015).
- Civilization-state. URL: <https://en.wiktionary.org/wiki/civilization-state> (дата обращения: 28.10.2015).
- Cho K.* The Middle Kingdom: Civilisation state or nation state? URL: <http://knowledge.insead.edu/economics-politics/the-middle-kingdom-civilisation-state-or-nation-state-1370> (дата обращения: 26.10.2015).
- Descola Ph.,* A qui appartient la nature ? // *La Vie des idées.* P. 2008. Janvier 21. URL: <http://www.laviedesidees.fr/a-qui-appartient-la-nature.html> (дата обращения: 28.10.2015).
- Fein H.* Genocide, a sociological perspective // *Current Sociology.* 1990. No. 38; Du Génocide. URL: <http://www.leconflit.com/article-du-genocide-116582310.html> (дата обращения: 14.02.2015).
- Gharbi F.* Mondialisme, unipolarité et délire messianique. URL: <http://fr.worldmathaba.net/items/567-mondialisme-unipolarite-et-delire-messianique> (дата обращения: 11.02.2015).
- Ignatieff M.* America's Empire Is an Empire Lite // *New York Times,* 2003, (January, 10) URL: <https://www.globalpolicy.org/component/content/article/154/25603.html> [accessed on: 10.02.2016]
- Ignatieff M.* Empire Lite : Nation-Building in Afghanistan, Kosovo, and Bosnia. London: Vintage, 2003. 134 p.
- Jacques M.* Civilization state versus nation-state: China confronts Europe with an enormous problem: we do not understand it // *Süddeutsche Zeitung.* 15/01/11. URL: <http://www.martinjacques.com/articles/civilization-state-versus-nation-state-2/> (дата обращения: 28.10.2015).

Jacques M. China is a Civilization State // The Economic Times. 2012. 9.07. URL: <http://www.martinjacques.com/when-china-rules-the-world/china-is-a-civilization-state/> (дата обращения: 20.10. 2015).

Jacques M. When China Rules the World: The End of the Western World and the Birth of a New Global Order. L.: Penguin Press, 2009. 778 p.

Kiernan. Ben Sur la notion de genocide // Le Débat. P. 1999. No. 104, mars-avril. P. 179–192.

Review: Martin Jacques (2009) When China Rules the World: The Rise of the Middle Kingdom and the End of the Western World. Penguin Books: London. URL: <https://uosm2018.wordpress.com/2014/02/24/martin-jacques-2009-when-china-rules-the-world-the-rise-of-the-middle-kingdom-and-the-end-of-the-western-world-penguin-books-london-a-review/> (дата обращения: 25.10.2015).

When China Rules the World. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/When_China_Rules_the_World (дата обращения: 11.10.2015).

Xia G. China as a “Civilization-State”: A Historical and Comparative Interpretation. URL: http://ac.els-cdn.com/S1877042814033102/1-s2.0-S1877042814033102-main.pdf?_tid=e62fbbea-7014-11e5-99c8-00000aab0f01&acdnt=1444567256_60498442af90c493f6e9b5f0bfd753 (дата обращения: 11.10.2015).

Zuckerman P.A. Common Good State: The Next Phase of Human Societies. URL: <http://www.wfs.org/zuckerman.htm> (дата обращения: 11.02.2015).

<https://g.co/kgs/XKMCu4>. ISBN 978-5-9540-0303-1.

